

ЕВГЕНИЙ
ГАРКУШЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Евгений Гаркушев

Великий поход

«Автор»

Гаркушев Е. Н.

Великий поход / Е. Н. Гаркушев — «Автор»,

По поручению могущественного Собора России магистр Даниил, опытный и бесстрашный боец, отправляется с важным секретным посланием к японскому предпринимателю Акиро Фукуро, руководящему строительством грандиозного межпланетного корабля «Великий поход», – и сразу же оказывается в вихре смертельно опасных ситуаций и перестрелок. Всю жизнь мечтавший о полете к звездам, Даниил вынужден с риском для жизни противодействовать великому космическому проекту, потому что цена, которую придется заплатить человечеству за свое любопытство, может оказаться слишком высокой...

© Гаркушев Е. Н.

© Автор

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Содержание

Евгений Гаркушев

Великий поход

ГЛАВА 1

Засада

Потолочная балка, не выдержавшая давления тяжелого хрустального свода, с оглушительным грохотом треснула над моей головой. Вниз со свистом понеслись куски стекла и бетона. Стальная ферма начала падать. Еще пара секунд – и она сметет ряд нежных азалий, разделяющих зимний сад на две части. Осколки свода уже колотили по листьям пальм и фикусов.

Я нырнул за огромную кадку с цветущей магнолией, кувыркнулся через голову вперед и устремился в боковой проход, по краям которого стояли ящики с розмаринами. Над головой засвистели пули. Импульс лучевой винтовки ударил в ствол магнолии, которая упала, словно сжатая исполинским серпом. Огромные белые лепестки цветов швырнуло вверх. Они закружились, полетели во все стороны, медленно опускаясь на каменное крошево и разбитые кадки перьями сказочной птицы. Остро запахло древесным соком.

Стальная ферма рухнула, круша азалии, разваливая ящики с плодородным грунтом, пробивая деревянный пол до бетона. Хорошо, что свод сработали добротно. Хрустальный купол держался на оставшихся фермах. Вверху зияла дыра, в которую задувал холодный ветер и летели ледяные брызги дождя, смешанного со снегом.

У меня не было оружия. Да и отстреливаться от нападавших я не собирался. Нужно уходить любой ценой. Уносить с собой доверенное мне послание, выполнять поставленную задачу. Но какое варварство – разгромить общественный зимний сад! Мерзавцы...

Один из мерзавцев словно вырос на выходе из большого зала. Темный силуэт, лицо под черной облегающей маской, просторные одежды, под которыми можно спрятать любое оружие и снаряжение. Но в руках этого человека оружия не было. Специалист по вероятностям? Предсказатель? Боевик? Да кто угодно – понятно лишь, что не простой солдат.

Я схватил цветочный горшок, метнул в грудь того, кто преграждал мне дорогу. Тут же поднял второй горшок, бросил в голову врага. Но противник мой падал, пораженный первым снарядом, и второй горшок, не попав в цель, врезался в стену. На пол посыпался мягкий грунт.

Мне оставалось только перепрыгнуть через осевшее тело и юркнуть за поворот. В спину не стреляли. Не успели опомниться или боялись попасть в своего.

Маленький коридорчик, дверь, за ней – еще один большой зал. Посредине – бассейн, наполненный теплой водой, от которой шел едва уловимый запах озона. У дальнего края – двое солдат в камуфляже. Вряд ли они охраняют здесь общественный порядок. Скорее всего охотятся за мной.

Рюкзак с титановым контейнером болтался за спиной. Плыть с ним будет не очень удобно. Да и под водой меня отлично разглядят, а надеяться на то, что пули отразятся от водной поверхности – не слишком разумно. Я побежал вдоль бассейна. Солдат, имевший лучшую реакцию, поднял автомат.

– Не стреляйте! – закричал я.

Солдат замешкался. Напрасно. Я кричал на ходу, а ему, чтобы услышать и понять, что я говорю, пришлось прервать движение. И все же двадцать метров, разделяющие нас, мне не

одолеть. Я выиграл доли секунды, но солдаты могли успеть выпустить в меня по полному рожку патронов.

Срезая угол, я перемахнул через бортик и нырнул в голубую воду. Несколько мощных гребков руками и ногами, не всплывая, рывок вверх – и я выскочил на поверхность в каком-то метре от края бассейна, рядом с солдатами. Я ухватился за бортик и еще одним рывком поднял тело над водой. Второй солдат, прежде казавшийся неповоротливым, неожиданно быстро попытался столкнуть меня обратно в воду ударом приклада. Вода заливала глаза, мешая видеть, но я все же перехватил автомат и втянул его обладателя в воду, а затем выбрался на пластик бортика сам.

Воздух наэлектризовался. Второго солдата с опаленным лицом и сожженными внутренностями швырнуло в стену. От моей мокрой одежды пошел пар.

Сзади опять стреляли из импульсной винтовки. Я вовремя почувствовал присутствие еще одного противника за спиной, там, откуда пришел, и сместился с линии огня. Вступи я сейчас в драку со вторым солдатом – мне бы не поздоровилось.

Влетев в подсобку за бассейном, вынеся плечами деревянную, почти декоративную дверь, я с радостью обнаружил, что отсюда вниз ведет узкая лесенка. Не иначе, проход к системе очистки и дезинфекции воды. Я рухнул в открытый люк, не оглядываясь. Что за интерес увидеть нападающего с лучевой винтовкой, если это будет последняя картина в моей жизни? До сих пор я вообще лицезрел только трех противников. Ту фигуру на проходе и двоих солдат. Хотя солдаты, по всей видимости, пешки из внешнего охранения. Иначе ими так легко не пожертвовали бы.

Устроившие мне ловушку надеялись, что я не смогу выйти из зимнего сада. Что меня пришибет куском бетона или задавит потолочной фермой. Что им удастся попасть в меня из винтовки. Но мне повезло. Даже в тихом зимнем саду, где нападения можно было ожидать меньше всего, я не стал выяснять, что происходит, а начал действовать по боевой программе. Теперь я сам почти удивлялся этому.

Действительно, кто мог угрожать мне рядом со штаб-квартирой Собора? Разве можно было ожидать нападения сразу же за пропускным пунктом? Наверное, все же можно было, и я это понял. Потому что отец Диомид попросил меня выйти не через главный вход, на площадь Свободы, а через «его» калитку, которой он так любил пользоваться для посещения зимнего сада на Егоровском проспекте. Казалось бы, какой в этом смысл? То, что я явился в штаб-квартиру Собора, мог отследить любой заинтересованный наблюдатель. Значит, вопрос в том, когда и как я оттуда выйду... Можно контролировать и все входы. Только своим предложением отец Диомид словно невзначай, без прямых указаний предупредил меня: неприятности могут начаться сразу же!

Проскочив мимо установок для обработки воды бассейна ультрафиолетовым излучением, я вылетел в какой-то совсем уж темный и узкий коридорчик. Некрашенные оштукатуренные стены, слегка неровный бетонный пол. Технический этаж. Знать бы здешние переходы... Но я и в зимнем саду бывал всего пару раз. Мне больше по душе были сады настоящие, под открытым небом.

Путь преградила решетчатая дверца с навесным замком. Замок казался не слишком крепким. От честных людей. Сосредоточившись, я вырвал его, отломав попутно приваренную к двери петлю, на которой он держался. И продолжил свой путь по темным коридорчикам. За собой я оставлял явственный мокрый след, но попробуйте, догоните!

Итак, кто на меня напал? С чьего ведома? С какой целью? Неужели для того, чтобы воспрепятствовать миссии, порученной мне отцом Диомидом? Это по меньшей мере глупо. Содержание документа, который я несу, вряд ли является тайной для кого-то из заинтересованных лиц. Сама попытка отнять его у меня здесь не слишком удачна. Даже если им удастся уничтожить меня, что толку? Диомид тут же снарядит нового гонца, с такой же грамотой...

Запасы псевдопергамент в канцелярии Собора неограниченны, мы сами его производим. Времени для того, чтобы доставить послание – более чем достаточно.

Может быть, кому-то не понравился именно я? И этот кто-то захотел свести личные счёты, даже не подозревая о задании, которое дал мне отец Диомид?

Не исключено... Но нападать на представителя Собора возле его штаб-квартиры, где в любой момент может подоспеть помощь? Опасно! Хотя, с другой стороны, эффект неожиданности мог сыграть врагам на руку. Такой наглости я не ожидал.

Характер нападения говорил в пользу того, что атака была тщательно спланирована. Находившиеся в засаде бойцы начали не с тривиальной автоматной очереди, даже не с залпа из подствольных гранатометов – но с обрушения балки, которая когда-нибудь должна была обрушиться из-за дефектов в изготовлении свода. Вражеский специалист сместил вероятности, изменил ткань реальности, ускорив события, которые когда-то должны были произойти. Придави меня эта балка, рухни потолок – и мысль о покушении могла бы даже не возникнуть. Но ведь я тоже слегка чувствую вероятности. Не могу их менять по своему желанию, как некоторые, и даже вижу не очень отчетливо, но базовый курс проходил... Поэтому почувствовал неладное за доли секунды до того, как началось обрушение.

А сам отец Диомид? Не мог ли он приложить руку к покушению? Мысль вздорная, глупая, но даже нелепые версии стоит иногда рассматривать.

Нет, мой наставник и руководитель скорее всего ни при чем. Если он захочет со мной расправиться, у него имеются для этого десятки законных способов. И десятки незаконных. Причем настолько эффективных, что я и пискнуть не успею. Что ни говори, а Диомид старше, опытнее, мудрее и сильнее. Именно поэтому каждый его ход я просчитать не могу. Объяснить все его действия – тоже.

Уверен, что вовсе не старец решил от меня избавиться. А вот подтолкнуть «покушением» к какому-то решению или образу действий он вполне мог. Хотя слишком это просто, тривиально. Просто и ненадежно... Поэтому не буду предаваться досужим домыслам, стану анализировать лишь факты. Когда они появятся. Сейчас фактов у меня почти нет.

Два поворота узкого темного коридора – и я обнаружил маленькое зарешеченное окошко, выходящее на улицу.

Пора покидать негостеприимный комплекс зданий! На улице меня могут поджидать новые опасности, но там их гораздо легче избежать. Здесь за каждым углом может быть прятан небольшой сюрприз. А всю улицу боевиками не заполнишь. Чем дальше я буду от центра событий, тем меньше вероятность встретить врагов.

Я вырвал решетку, аккуратно выдавил наружу пластиковую раму с окном. Выбрался на засыпанный мокрым снегом тротуар. Время приближалось к полуночи, людей на улице не было. Я поднялся во весь рост, поправил рюкзак и уверенной походкой зашагал по улице – не забывая поглядывать по сторонам. Мой беззаботный вид вряд ли обманет настоящих охотников. К тому же я был слишком мокрым после купания в бассейне. Промокнуть так под моросящим дождем невозможно. Разве что повалявшись в луже, заполненной ледяным крошевом...

Пока что я еще даже не остыл, и тело не чувствовало холода. Мороз шел по коже от другой мысли – что, если нападение на меня – это и нападение на Собор? Что, если сейчас боевики штурмуют штаб-квартиру, пытаются уничтожить всех магистров, отца Диомида?

Если и так, я не должен возвращаться. В случае непосредственного нападения на штаб-квартиру Собора, важность моей миссии возрастает в десятки раз. Я должен выполнить ее, а что будет потом – не так важно. Хотя что у меня есть, кроме Собора? Собор для меня – и семья, и работа, и любимое дело, и возможность жить так, как мне нравится... По сути дела, я очень одинок.

Завернув за угол, я увидел прямо посреди улицы фигуру в тяжелой броне. Иссиня-черный шлем с моросью дождя на забрале. Толстые титановые пластины нагрудников. Мягкие

сочленения брони на локтях и коленях. В такой броне ходили охранники, служащие Собору. Но я не мог полагаться на надежду, что встретившийся мне боец – союзник. Встречи с ним нужно было избежать.

Поравнявшись с окном магазина, я боком прыгнул в него, разбивая тяжелое стекло витрины. Раздался пронзительный вой сигнализации. Стрелять солдат в броне не стал. Это говорило в пользу того, что он на нашей стороне. Значит, не все так плохо...

А я промчался через просторный торговый зал, выскочил в подсобное помещение, нашел дверь черного хода, закрытую только на задвижку. Не иначе, где-то в помещении огромного магазина дежурил сторож.

Когда я отодвигал задвижку, за спиной у меня раздался сдавленный смешок.

Я резко обернулся. В подсобке, сжимая в руке хлыст электроразрядника, стоял молодой человек, которому на вид можно было дать лет двадцать – двадцать пять. Тонкие усики, вытянутое лицо, слаборазвитая мускулатура. Повстречай я его в другом месте в другое время, и внимания бы не обратил. Обычный инфантильный молодой человек, не желающий знать ничего, кроме прикладных программ специализированного компьютера, с помощью которого он зарабатывает себе на жизнь. А жизнь в его понимании – это возможность выпить, покурить, подключиться к виртуалке. Иногда – что-нибудь съесть. Но только иногда. Ведь в виртуальных мирах энергия почти не расходуется, а сила мускулов выбирается нажатием на соответствующий сенсор.

Как он здесь появился? Присутствие обычного человека я бы почувствовал. Не простой парень, совсем не простой... И нападать сзади не захотел. Или не решился?

– Кто такой? – коротко спросил я, еще не решив, что предпринять.

– Твоя смерть, – тихо ответил молодой человек. – Попался, гонец.

Откуда у этого щенка такая уверенность? Разрядник его мне не очень страшен – сумею уклониться. Да и сильнее этого хлыща я по крайней мере раза в четыре. Согну в бараний рог! Но самоуверенность – не лучшее качество человека. Скольких великих воинов оно подвело! А обычных бойцов – без счета.

– Что тебе надо? – осведомился я.

Молодой человек не ответил. Лишь слабо шевельнул рукоятью хлыста. Жало рванулось ко мне с невиданной скоростью.

Разряд в пару тысяч вольт мне не выдержать. Это вопрос физиологии, а не воли и умений – тело просто швырнет на пол, и, пока я буду приходить в себя, молодой человек и его подручные скрутят меня. Живым им в плен, пожалуй, лучше не даваться.

Уйти от жала я не успевал. Успевал только подставить рукав мокрого пиджака. Моя одежда была пропитана водой очень сильно. Часть заряда стечет по костюму в проводящий, с включением металла пол. Надо постараться, чтобы как можно меньшее количество электронов прошло через тело.

Хлыст соприкоснулся с пиджаком. Конденсатор с сухим щелчком разрядился. Ощущение не из приятных – меня словно вывернуло наизнанку. Но я смог устоять на ногах. Защита в виде мокрой одежды оказалась действенной.

Дернувшись, я подпрыгнул и схватил молодого человека за глотку. Тот с нечеловеческой силой вцепился мне в бицепс. Понятно: мускулы модифицированы, он только на первый взгляд кажется слабым. На самом деле парень гораздо сильнее среднего человека.

Второй рукой я ударил врага под ребра. Напрасно! Он оказался в хорошем бронежилете, и я только повредил пальцы.

Мужчина резко повернулся, сбросил мою руку, попытался ударить сам – по глазам. Но я заблокировал удар, вывернул ему руку и бросил лицом на пол. С физическими законами не поспоришь: при своих чудомускулах противник имел массу меньшую, чем я. В данном случае это пошло мне на пользу. У меня оказался больше момент инерции.

Выворачивая шею врага, я спросил:

– Кто тебя послал?

Молодой человек только захрипел. Общаться со мной явно не входило в его планы. А я не мог вырывать у него признание. Времени не было, да и боли мой противник явно не чувствовал.

Свернув молодому человеку шею, я открыл дверь и выскочил из подсобки на улицу. Золотой переулок! Он шел параллельно Егоровскому проспекту. Здесь я часто бывал прежде – по переулку удобно добираться до входа в штаб-квартиру Собора из центра, если не хочешь, чтобы на тебя глазели сотни людей, гуляющих по проспекту.

Около черного хода магазина стоял, будто поджидая меня, простенький электромобиль. Сейчас мне было не до церемоний. Я выдавил стекло, достал универсальную электронную карточку и сунул в замок зажигания. Дверь приветливо пискнула и разблокировалась. Я нырнул внутрь.

Двигатель завелся сразу. Нажав педаль акселератора, я понесся прочь, к городским окраинам. Сиденье электромобиля пропитывалось водой, стекавшей с меня. Хотя я и опасался, что может произойти замыкание, включил обогрев автомобиля и сидений на полную мощность. Надо хотя бы немного высохнуть. В разбитое стекло задувал холодный ветер, но это – мелочи...

Погони я не замечал. Хотя кто поручится, что вся комбинация не была затеяна ради того, чтобы загнать меня в этот автомобиль и заставить ехать на нем через город? Под капотом может быть заложена мощная бомба. Крышу легко оснастить радиомаячком, позволяющим со стопроцентной гарантией поразить автомобиль точечным ударом с орбиты.

Но нет, не стоит давать волю дурным предчувствиям и считать врагов сильнее и мудрее, чем они есть на самом деле. Это тоже не слишком полезно. Я еду в обычном электромобиле, который не так легко отследить на улицах большого города.

Окна машины запотевали так, что включенный на полную мощность воздухообдув не справлялся с конденсирующейся на стеклах влагой. Еще бы – влажность в салоне установилась стопроцентная, температура поднялась до сорока градусов, а на улице царил мороз. Одежда никак не желала сохнуть.

Ночь только начиналась, и мне нужно было переждать где-то темное время. Ни на поезде, ни с помощью воздушного транспорта я покинуть столицу не собирался. Вокзалы стерегли, да и другие пути наверняка тоже. Поэтому имело смысл потеряться на несколько часов. Осмотреться, сориентироваться, узнать новости, не привлекая к себе внимания.

Возвращаться на базу Собора нельзя. Зачем испытывать все приключения, которые выпали на мою долю, еще раз? Надо держаться подальше от известных мест, от баз, квартир друзей, точек сбора. Где?

Проще всего, конечно, снять номер в гостинице. Обсушиться, поесть, связаться по надежным каналам с нужными людьми. Но в гостинице меня легче всего найти. Даже если я воспользуюсь безличной карточкой для оплаты и поддельными документами для регистрации, вычислить меня не так сложно.

Куда человек моего положения и образа жизни пойдет в столице в последнюю очередь? Пожалуй, в ресторан. Всем известно, что никаких гастрономических пристрастий у меня нет и быть не может, что питаться соратники Собора могут чем угодно и где угодно... Еще я не пойду в казино. И должности не подобает, и интереса никакого. Что за радость проигрывать деньги? А выиграешь – не избежать обвинения в жульничестве. Всем известно, что некоторые магистры могут воздействовать на реальность, подтасовывать вероятности. И если ты не способен на подобное – кому об этом известно? Да и вообще, казино – не лучший способ укрыться для насквозь мокрого человека, который не хочет привлекать к себе внимание.

За окном мелькнула броская, но не очень большая вывеска: «Секс-клуб. Баня. Магазин». Слышало подобных заведений. Все заходят полуголыми или вообще голыми, купаются. Ну, и

не только купаются... Сам я, впрочем, не бывал в них, даже в молодые годы. Друг рассказывал. Делился восторгами. Вот и мне представился случай посетить злчное место. Надеюсь, документы здесь предъявлять не нужно? Скорее всего нет. Не для того сюда ходят.

Тормозить перед входом в удачно найденное заведение я не стал. Доехал до станции метро, аккуратно припарковал электромобиль на свободной площадке. Вышел в морозную ночь и поспешил вдоль пустынного шоссе обратно.

Холодало прямо на глазах... Одежда сразу покрылась ледяной коркой. А волосы приобрели подобие модной прически с использованием лака.

Вот и ярко освещенный вход в секс-клуб. Я решительно переступил порог. Привратник в пестром халате оживился, широко улыбнулся и объявил:

– Мы рады видеть вас.

– А уж как я рад, – выдохнул я, подходя к шкафчику, в котором нужно оставлять одежду. – Под дождь попал, да еще и упал...

– И не один раз, по-видимому, – улыбнулся привратник. – Хорошо, что протрезветь успели. У нас пускают только приличную публику. Пьяных – ни в коем случае. Дорожим репутацией.

– Я ведь приличный человек?

– Трезвый – значит, приличный, – подмигнул мне швейцар.

– У вас тут нет прачечной?

– Нет, – покачал головой привратник. – Оставьте дверь в шкафчик открытой – одежда быстро высохнет. Вы ведь пару часов побудете?

– Конечно, – кивнул я.

– У нас согреетесь – можете не сомневаться.

– Надеюсь. А кормят здесь?

– Без проблем. Нашлись бы деньги на счету, – усмехнулся швейцар. – Вы в главный зал проходите. Сегодня публики мало, все больше – девчонки. Так что будет интересно. По вопросам питания обращайтесь в бар, за выпивкой – туда же. И магазин рядом с баром. Думаю, разберетесь.

– Спасибо, – машинально ответил я, снимая брюки и направляясь в зал, от дверей которого тянуло теплом. Титановый контейнер и кредитную карточку я сжимал в руке.

– Вы все снимайте, не стесняйтесь, – напутствовал меня швейцар. – Не принято, знаете, одетым ходить.

– Ясно, – протянул я. – А кошелек с собой можно взять?

– Берите, что хотите. Лишь бы вам не мешало.

В жарком полутемном зале, перед большим экраном стереовизора сидели за столиком, уставленным снедью, три миловидные женщины двадцати пяти – тридцати лет. Поодаль от них – парень и девушка, увлеченные друг другом, совсем молоденькие. В уголке – одинокий и, похоже, спящий мужчина. Публика вела себя более чем пристойно. Секс-клубы я представлял, в общем-то, несколько по-иному. Видимо, для разгульных оргий существовали другие помещения. Здесь – что-то вроде предбанника.

– К нам, к нам! – провозгласила пышная румяная брюнетка, маня меня пальцем, едва я переступил порог. На щеках ее играли ямочки, прямые волосы блестели даже в неярком свете желтых плафонов.

Можно подумать, я мог пойти куда-то еще! Не к спящему же мужчине? Хотя кто мешал мне занять отдельный столик? Но вряд ли это выглядело бы естественно. А мне нужно было затеряться. Стать таким, как все, ничем не привлекать к себе внимания.

– Нам и бутылку некому открыть. Обслугу сюда не пускают, а каждый раз в бар ходить лень, – заявила худенькая миловидная блондинка с лицом лисички. Улыбка ее была очень приятной. – Вы умеете открывать бутылки?

– Умею, – не стал спорить я. – В совершенстве.

– Так открывайте! – властно приказала русоволосая молодая женщина, пожалуй, самая привлекательная из присутствующих. И самая молодая. У нее была маленькая грудь и острые выпирающие ключицы. Я отметил это не как мужчина, а, пожалуй, как доктор. Обилие раздетых женщин нисколько меня не смутило, и я этому потихоньку порадовался. Впрочем, стоит ли радоваться подобному?

Раскрутив проволоку на проволочной «корзиночке» шампанского, я аккуратно, без хлопков, вынул пробку.

– А салют? – обиженно надула и без того пухлые губки брюнетка. – Мы хотели салют!

– Самый высокий класс – открыть бутылку без хлопков, – пояснила ей блондинка. – Будем знакомиться, молодой человек?

– Да...

Я хотел назвать свое имя, но вовремя сообразил, что не стоит произносить настоящее. Других имен, кроме своего, начинающихся на «да», я не знал.

– Вы не робейте, – улыбнулась русоволосая девушка. – Мы вас не съедим. Первый раз в этом клубе?

– Да.

– Вот и не стесняйтесь. Здесь очень прилично. Поэтому сюда и ходим. Меня зовут Алена.

– Очень приятно, Алена.

– Оксана, Вика, – представила Алена брюнетку и блондинку.

– Рад, очень рад. Очарован. Я – Даниил.

Не собирался называть настоящее имя, но назвал. Врать не хотелось. Да и вообще, хотя бы потому, что подлинное имя называть глупо, можно это сделать. В какой-то степени это даже отведет подозрения.

Девушки переглянулись. Наверное, я сказал что-то не то. Пожалуй, перегнул палку с этим «очарован». Нуда ничего. Будем считать, что я провинциал, впервые приехавший в столицу. Хотя и в провинции сейчас почти не осталось глухих углов. Разумнее, наверное, притвориться беззаботным искателем приключений.

Пока я раздумывал, какую линию поведения избрать, Оксана поднялась во весь рост – я невольно опустил глаза к полу, воспитание все же сказывалось – и, покачивая тяжелыми бедрами, обогнула стол и пошла к мигающей красными огоньками арке – входу в соседний зал. Распущенные черные волосы прикрывали спину, но не то, что ниже. Проходя мимо меня, девушка слегка коснулась меня локтем. Кожа Оксаны была шелковистой, очень приятной на ощупь. Пахло от девушки весенними цветами.

– Возьму чего-нибудь закусить, – обернувшись, улыбнулась она. – Что тебе захватить, Даниил?

Приятно, когда о тебе заботятся, но одалживаться я не люблю. Особенно у молодых привлекательных женщин.

– Позвольте, лучше я вас угощу! Девушки переглянулись и прыснули.

– У нас абонемент в это заведение, Даниил, – объяснила Алена, приглаживая волосы. – Скидки. Обед бесплатно, а сами мы едим очень мало. Диеты всякие, знаешь ли... Зачем ты будешь тратить деньги? Лучше купишь потом что-нибудь выпить.

– Хорошо.

– Так что тебе? – спросила Оксана.

– Мяса, – коротко ответил я. – Можно пирожных.

– За фигурой не следишь? – поинтересовалась Вика. – По тебе не скажешь. Лишнего жира не заметно.

Мне даже стало немного не по себе, когда девушка взглянула на меня так оценивающе. Вот уж не думал, что я способен испытывать стыдливость и смущение...

– Много работаю, – зачем-то оправдался я. – Занимаюсь спортом. А сегодня и пообедать не пришлось. Думал зайти в какой-нибудь ресторан, но потом забрел сюда.

– Чтобы искупаться, наверное, – хихикнула Вика.

– Искупаться тоже не помешает, – не стал спорить я.

– Каким спортом ты занимаешься? – задала вопрос Алена. Похоже, она меня «выбирала» и хотела оценить со всех сторон.

– Плаванием. Бегом, – ответил я. – Когда-то ездил на велосипеде, сейчас перестал. Времени нет.

– Здесь есть небольшой бассейн, – порадовала меня Вика. – Мы можем поплавать все вместе, если захочешь.

– Да, конечно, – склонил голову я. Похоже, отдыхать не придется! Девочки решили взяться за меня вплотную.

Оксана вскоре вернулась с тарелкой аппетитно выглядящей мясной нарезки, блюдом со свежими овощами и корзинкой с пирожными. Я, не скромничая, приступил к ужину. После беготни сегодняшнего вечера следовало восстановить силы.

Девушки подняли бокалы с шампанским, перемигиваясь, выпили за хороший вечер. Я пригубил вино вместе с ними, сходил в бар и вернулся с большой бутылкой мартини. Женщины остались довольны. Сам я мартини никогда в жизни не пробовал, но марка была на слуху, вот я и решил купить именно этот напиток.

– Что у тебя в этой железной сумке, Даниил? – заинтересовалась Оксана, рассматривая титановый контейнер, с которым я не расставался. – Она выглядит интригующе... Даже слишком!

Я едва не покраснел. Какие мысли могли возникнуть у посетительницы секс-клуба относительно содержимого длинного цилиндрического контейнера?

– Очень важные вещи, – ответил я девушке, погладив ее запястье. Две серебристые точки имплантов показались мне неожиданно горячими, хотя обычно импланты холодят. – Точнее, документы. Но ничего интересного в них нет.

– Ты, наверное, шпион? – сохраняя серьезное выражение лица, спросила Алена. – И прячешься здесь от погони?

Я подумал, что красивая русоволосая Алена самая любопытная из моих новых знакомых. И не только любопытная, но и проницательная. Оксана – самая женственная. Возможно, идея похода в клуб принадлежит ей. В данный момент девушку интересует лишь отдых. О худенькой Вике впечатление у меня еще не сложилось.

– Почему ты решила, что я шпион?

– Обычно мужчины так и норовят утащить хотя бы одну из нас куда-нибудь в нижние помещения, – рассмеялась Алена. – Особенно Оксану, хотя сделать это совсем не просто. А ты даже намек никому не сделал. Ведешь себя очень нетипично. Что-то здесь не так...

– Просто я первый раз в таком месте, – признался я. – Намек еще сделаю. Если только на работе все будет нормально. И не вызовут на дежурство.

На экране стереовизора один музыкальный клип сменял другой. Мне очень хотелось переключиться на канал новостей, но как сделать это аккуратно? И так приняли за шпиона, хотя я вовсе не являлся шпионом...

– Не смущайте нашего кавалера, – вступилась за меня Оксана, кладя мне руку на плечо. – А то и он сбежит – останемся мы одни-одинешеньки. Даже бутылку будет некому открыть.

– Ты права, – хихикнула Вика.

Стереовизор переключили на другой канал. Он по-прежнему показывал музыкальные клипы, но картинка стала откровенной, а точнее – непристойной. Общество голых дам меня не смущало, да и просмотр совместно с ними эротических программ – тоже, но можно и прикинуться скромником.

– Девочки, я новости посмотрю? – тихо спросил я.

– Новости? – изумилась Оксана, снимая с моего плеча руку. – Ты пришел сюда смотреть новости?

– Мне надо узнать, не вызовут ли на работу, – повторил я.

– Полицейский, – протянула проницательная Алена.

– На задании. С тобой все ясно...

– Да нет же! Никакой я не полицейский. И даже невоенный.

– Тогда спасатель.

– А это так важно?

– Ладно, ладно, – успокоила подруг Оксана.

Впрочем, теперь она тоже смотрела на меня оценивающе, пытаюсь, видимо, догадаться, кто я такой и чем зарабатываю на жизнь.

Общение в таком русле нравилось мне все меньше. Девочки оказались гораздо умнее, чем можно было предположить с первого взгляда. Или я стал излишне подозрительным и не понимаю шуток?

Налив себе полный бокал мартини, я выпил его залпом.

– Алкоголик, – тихо прошептала Алена.

«Хорошая мысль, – подумал я. – Выпить еще пару стаканов, притвориться мертвецки пьяным. Поспать пару часов, чтобы никто не приставал»...

– Нервничает, – возразила подруге Вика. – Не удивлюсь, если он – священник.

Я вздрогнул в который раз за вечер.

– А вы-то кто, девочки? Глядя на вас, не скажешь, что вы пришли сюда ради приключений.

– Только ради приключений! – фыркнула Оксана, тряхнув густой гривой волос. Грудь ее соблазнительно вздрогнула. – Но приключения бывают разные. Знаешь, как говорится, в бане все голые. Нам интересно наблюдать за людьми. Делать выводы. Развлекаться, глядя на то, как «неотразимые» павлины пытаются заманить нас своим ярким оперением. Хорошо подвешенным языком, накачанными мускулами, нарисованным лицом... Про усилия пластических хирургов я уж молчу...

– А сами вы, конечно, преуспевающие деловые леди, – не остался в долгу я.

Девчонки переглянулись.

– Не часто встретишь такой любопытный экземпляр, – протянула Алена. – Наблюдать ты умеешь, – добавила Вика. – Охотник встретил охотника?

– Это ты о чем? – переспросил я.

– Тоже наблюдаешь за людьми? Изучаешь нравы?

– В какой-то мере.

– Что ж, давай наблюдать вместе. Даже занятно... Мы, может быть, примем тебя в нашу компанию...

Алена глянула на подругу неодобрительно, но промолчала.

Мы выпили еще мартини, я сходил в бар за новой бутылкой. Заодно прихватил у бармена приставку к стереоцентру – чтобы можно было посмотреть новости на маленьком экране.

Девочки в мое отсутствие явно о чем-то спорили. Пусть. Даже если они догадаются, кто я такой – какое это имеет значение? Через пару часов меня здесь не будет. А до того времени не только я буду под их наблюдением, но и они под моим.

Я активировал приставку, которая мгновенно связалась с сетью через инфракрасный порт стереовизора, и начал изучать ленту новостей.

Новость об обрушении части свода в зимнем саду на Егоровском проспекте в эфир прошла. Стало быть, в штаб-квартире все в порядке. Полицию в зимний сад допустили, журналистов – тоже. Ничего интересного они там не увидели, да и увидеть не могли. В остальном столица жила мирно. Несколько грабежей, разбойное нападение, поимка взбесившегося мутанта. Все как всегда. У меня отлегло от сердца.

Интересно, а ищут ли еще меня ребята, разгромившие зимний сад, в котором так любил гулять отец Диомид? Или они продолжают плести интриги вокруг штаб-квартиры Собора? Хотя более вероятно, что их выловили и перебили. Вряд ли отец Диомид простит кому-то разгром своего любимого сада!

Хотелось бы знать точно, но даже пакетную передачу запроса по защищенному каналу через подставные серверы я осуществлять не решился. Сбросить сообщение – другое дело. Но меня ведь интересовал ответ. Волей-неволей нужно раскрыть обратный адрес. Точнее, дать возможность противнику узнать его.

От экрана приставки я оторвался тогда, когда почувствовал, что об меня трется что-то мягкое. Алена прижалась щекой к моему плечу и умоляюще сложила руки на груди. Вопрос ее прозвучал не то чтобы неожиданно, но все равно как-то странно.

– Скажи нам, кто ты такой, – попросила девушка соблазнительным шепотом. – Не пожалейшь. Вознаградим, как пожелаешь.

– Зачем вам знать? Так ли это важно?

– Мы поспорили на пятьдесят рублей, – объявила Оксана, ревниво поглядывая на подругу. – Недаром ходим в этот клуб у дороги не первый год. Научились распознавать людей без одежды. В костюме-то каждый отличит полицейского от чиновника, водителя от уборщика, банковского клерка от программиста.

– Хотя программера просто узнать и без одежды – усмехнулась Вика. – По мозоли на одном месте.

– На каком? – не удержался я.

– На заднице, – отозвалась девушка. – А ты думал, где? Ну, давай, рассказывай.

– Только в обмен на ваш рассказ о себе, – улыбнулся я.

– Вика – креативный директор рекламного агентства, – тут же выдала подругу Алена. – Оксана – ведущий менеджер крупной торговой компании. Я – практикующий психолог.

– Хобби у вас, однако, – заметил я. – Совмещаете приятное с полезным?

– Когда мы здесь занимались чем-то приятным? – хитро прищурилась Алена. – Я что-то и не припомню. Не очень часто люди интересные попадаются. Все больше представители пролетарских профессий. А с ними за жизнь поговорить хорошо, но чем другим заниматься – увольте. Я так вообще замужем... Да и Оксанка с Викой мужским вниманием не обделены.

– Угу, – кивнул я. – Ну, я тоже пролетарий. Пилот дирижабля.

– Рассказывай. У тебя даже имплантов нет.

– Заметили?

– Не заметить трудно.

– И что? Обязательно, что ли, подключаться к системе управления напрямую? Я пилот.

– Вот только обманывать не надо, – нахмурилась Вика. – Мы полагали, ты джентльмен. А ты надуваешь честных девушек. Мы тебе все о себе рассказали.

– Нуда. И даже не прочь уединиться со мной где-нибудь внизу... – хмыкнул я. Не очень хотелось обижать девчонок, но удерживать их на расстоянии было просто необходимо. – Давайте искупаемся, а потом я вам все расскажу. Подробно.

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась Алена.

Я поднялся, чтобы идти в бассейн. Вика пошла впереди, показывая дорогу, Алена сзади. Я чувствовал спиной ее взгляд. На пороге я задержался и оглянулся, пропустив Алену вперед. И обнаружил, что Оксана не пошла с нами. Схватив взятую мной в баре приставку, она подключила ее к имплантам на руке. Даже с расстояния в десять метров мне было хорошо видно ту часть экрана, которую не скрывала пышная грудь девушки.

Оксана не подключилась к поисковому серверу, не делала запросов. А передавала информацию. Что-то настолько ценное и секретное, что нельзя было воспользоваться телефоном и видеокамерой. Или то, что нельзя описать словами – например, образ, запечатленный в сознании.

О женщины! Имя вам – вероломство!

Мне действия девушки совсем не понравились. Почему-то сразу представилось, что красивая брюнетка докладывает кому-то о встрече со мной. Передает мой образ, манеру речи, интонации. Если лицо можно изменить, отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза – подделывать, то комплексный анализ визуальной картинке расскажет о человеке все, как бы он ни старался измениться. А я даже не озабочился поработать над своей внешностью.

Переведя взгляд на экран большого стереовизора, я, к своему ужасу, обнаружил, что тридцать третьим¹ кадром в видеоряде клипа показывают мою фотографию с крупной подписью: разыскивается. Ниже, чуть мельче, шло: сообщить о всех подозрительных лицах.

Такое я видел в первый раз. Я имею в виду не свое фото по стереовизору, а столь осмысленную нагрузку на тридцать третий кадр. Рекламщики иногда изошрялись, вставляя в «невидимые» кадры призывы купить ту или иную марку йогурта или пива – но чтобы по общественному каналу стереовизора шла служебная информация неизвестного ведомства? По всей видимости, кодированный сигнал получала сейчас вся сеть законспирированных сотрудников тайной службы столицы. И не только столицы. Хорошо, что я в свое время просто ради забавы научился «читать» тридцать третий кадр – если, конечно, он присутствовал в передаче.

А менеджер Оксана оказалась не просто менеджером. Жаль... Она мне почти понравилась.

Девушка получила кодированный приказ и теперь торопилась исполнить его. Тем более я был не просто подозрительным лицом, а парнем с картинки. Вне всяких сомнений. Именно поэтому Оксана так спешила – программа, закодировавшая ее сознание, включила высший приоритет. Девушка не подумала даже о том, что нужно дождаться, пока я выйду из зала.

Может быть, Оксана вообще ни о чем не думала. Вполне вероятно, что сейчас работала только часть ее мозга. И симпатичная, мягкая девушка никогда не узнает, что выдала каким-то неприятным людям славного молодого человека, с которым можно было даже завести приятную интрижку.

Очень интересно, однако же, кому под силу развернуть в столице настолько широкую агентскую сеть? Да и доступ к технологиям кодирования весьма и весьма затруднен... Что ж, я отправлю отчет руководству Собора. Чуть позже. В настоящее время у меня есть конкретное задание.

– Сейчас приду, девочки, – притянув к себе Алену и поцеловав ее в щеку, я резко повернул и вышел в раздевалку.

Там я схватил в охапку свою одежду и, не одеваясь, выскочил на улицу.

– Допекли девчонки? – захохотал вслед швейцар.

– Нет, что вы. У вас здорово, – на ходу ответил я – Но у меня обнаружились важные дела. Надо ехать в Липецк. Срочно. Меня там очень ждут.

---

¹ В стереовидении, в отличие от стандартов кинематографа, в секунду показывается не двадцать четыре, а тридцать два кадра – то есть тридцать два объемных изображения. Но эффект «двадцать пятого» кадра, невидимого глазу, но воспринимаемого подсознанием, можно воспроизвести и здесь.

– Вот оно как...

Швейцар, казалось, мне почти поверил.

А я рысью пробежал пару кварталов, остановился возле сухой лавочки, оделся и медленно пошел по ночной улице, продолжая анализировать полученную ненароком информацию. Какова вероятность наткнуться на агента неведомой организации в случайно выбранном клубе? Все зависит от числа этих агентов. Если агент каждый десятый – вероятность весьма велика. Но не может же состоять в тайной организации двести тысяч человек? Не могут же они закодировать столько людей? Кто знает...

Если сделать более оптимистичные допущения, что агент – каждый сотый, можно спать спокойнее. Все-таки двадцать тысяч человек – это много, но терпимо. А если агент каждый тысячный, вероятностью встречи с ним вообще можно пренебречь. Моим врагам просто повезло, что я оказался в одном клубе с Оксаной. Другие девушки, кажется, не воспринимали сообщения со стереовизора. Или их тонкий план заключался в том, чтобы увести меня в бассейн, пока подруга докладывает о том, что нашла нужный объект? Нет, не верю! Они только переглядывались.

Как бы то ни было, из столицы надо убираться. На попутках. Километрах в ста можно будет воспользоваться другими средствами передвижения. А сейчас – только автомобилями, каждый из которых проверить просто нельзя.

Я вышел на обочину и поднял руку. Спустя десять минут один из мчавшихся мимо грузовых электромобилей, груженных зелеными контейнерами, остановился. Парень с интересом посмотрел на меня хмельными глазами, можно даже сказать – изучил, и радостно заявил:

– Попутчик!

Похоже, молодому человеку было очень хорошо. Даже чересчур хорошо. Он был то ли пьян, то ли под действием наркотиков. Из кабины пахло одеколоном, освежителем воздуха, жареной картошкой и спиртовыми парами. Обычный такой запах, в чем-то даже приятный...

– Куда едешь? – поинтересовался я.

– В Рязань. Груз сопровождаю.

– Возьмешь?

– А то. Конечно. Если ты еще и пива купишь...

– Насчет этого не беспокойся. Автопилот работает нормально?

– Обижаешь... Только на нем и езжу. А ты что так поздно собрался?

– С девчонкой не ладили, – ответил я, что было почти правдой.

– Ну и поехали. Подумаешь, девчонка! Женщина всегда найдется. А вот где она встретит такого парня, как ты? Залезай быстрее, а то мне лишний простой запишут. Мы лучше в дороге у палатки остановимся, пива купим.

– Хорошо, – согласился я, забираясь в теплую кабину. – Звать тебя как?

– Андрей.

– Стереовизор не смотрел в последние несколько часов, Андрей?

– Обижаешь... Я эту дрянь вообще не смотрю. Что хорошего там можно увидеть? Музыка – в убогом формате. А картинка мне лично и даром не нужна.

Словно подтверждая серьезность своих слов, парень на всю мощь врубил отличный лазерный проигрыватель. Ритм молодежной музыки неведомого мне направления заполнил все пространство салона, сделав дальнейшую беседу невозможной. Меня это устраивало.

До Рязани мы останавливались только три раза. Дважды – купить пива и один раз – чтобы запастись водкой. К утру, когда мы прибыли в древний город, Андрей совершенно не вязал лыка.

Что ж, работа экспедитора нервная, не мне судить молодого человека. Тщательно заперев его в машине, чтобы не сбежал куда в беспамятстве, я отправился по своим делам. Рязань была только первой вехой на моем пути. Мне нужно было дальше. Гораздо дальше. На юг, а потом на

восток. Пока мой друг набирался спиртным под грохот своего проигрывателя, я наметил путь. Не самый короткий, но самый надежный. Тот, на котором меня будет очень трудно вычислить. Даже имея агентов в каждом городе.

От Рязани я полечу. Так будет проще, безопаснее и быстрее.

ГЛАВА 2

Охота на «котов»

Погода стояла сырая, промозглая. Ветер дул колючий, холодный, с ледяными иглами. Я летел низко – метров пятьсот над землей, под облаками, едва не касаясь их рваных краев. Внизу мелькали темные рощи, белые от изморози поля, серые ленты старых асфальтовых дорог. Над реками клубился туман. Тонким ледком прихватило только берега.

Поселки встречались редко. Большею частью они были покинуты. Сносить старые здания не спешили, зато в полях время от времени сияли огнями отстроенные не очень давно фермы. Большие красные дома, огромные застекленные теплицы, объемные тороиды реакторов, высокие молниеотводы, достающие до самых облаков. Над некоторыми домами – надежно застропленные дирижабли. Полеты на пару месяцев придется отменить. Не сезон, зимняя непогода...

Ветер бил в лицо, колот щеки и лоб твердой снеговой «крупой». Время от времени через разрывы снеговых туч я мог увидеть звезды. С каждой минутой полета становилось теплее – ведь я двигался на юг, прочь от холодных туч, от стылой земли. К теплomu морю и еще дальше...

Вот показался большой город на берегу широкой полноводной реки. Несколько микрорайонов – мертвые, темные и холодные. Зеленые периметры охранных полей, предупреждающие знаки для любителей пеших прогулок. Хотя преступность сейчас в значительной степени изжили, бродить среди брошенных домов все же небезопасно. Даже в мегаполисах встречаются еще лихие люди, одичавшие звери... А высотные дома, простоявшие сотню лет без ремонта, могут быть опасны и сами по себе.

Ближе к центру город приобрел обжитой вид. Сияющие фасады многоэтажек, теплый свет в окнах квартир, яркие огни голографических реклам.

«Встречай Новый год на Марсе! Сто тридцать лет с начала освоения! Девяносто лет туристической программе! Приобщитесь к истории!»

Полеты на Марс теперь редкость. Группы комплектуются раз в месяц, не чаще. Даже в годы великих противостояний планет, когда экскурсия занимает около десяти дней. Туристы набили оскомину, истоптали пыльные тропинки красной планеты... Стоит удовольствие, несмотря на зимние скидки, очень дорого. Сейчас модно летать к поясу астероидов. Но все-таки до астероидов далеко. Тратить месяц на то, чтобы порезвиться среди обломков Фазтона², решатся разве что школьники. А им времени не хватает еще больше, чем остальным. Слишком многое надо узнать, многому научиться. Да и захотят ли родители оплатить круиз любимых отпрысков? Нет ничего дороже детей, но деньги можно вложить с большей пользой для подрастающего поколения...

Еще минута полета – и город позади. На левом берегу стылой реки светились только несколько огней. Яркая надпись над входом в ресторанчик: «Последний оплот Европы»... Насколько я понимаю, за рекой уже начиналась Азия. Впрочем, где проходит линия раздела между континентами, известно только географам. И то представители разных школ придерживаются разных мнений. По Дону, по Кубани, по их водоразделу? Мне было приятнее считать, что по Дону.

В Азии стало совсем тепло. Тучи исчезли, Лишь впереди, у вершин Кавказских гор, ярилась непогода, сверкали белые зигзаги молний. Вечернее небо на западе оставалось светлым. Солнце зашло недавно. Я взял направление на юго-восток. Чуть позже поверну прямо на

---

² Фазтон – планета, предположительно располагавшаяся между орбитами Марса и Юпитера. Согласно одной из гипотез, после взрыва этой планеты образовался пояс астероидов.

восток. Не всегда путь по прямой самый короткий. Пробиваться через заснеженные просторы Сибири ненамного тяжелее, но потребует больших затрат энергии.

К слову, об энергии... Можно продолжать полет и до следующего утра, но я в пути уже часов шесть. Пожалуй, стоит отдохнуть. Времени у меня в избытке, нет никакой необходимости путешествовать ночью.

Я поднялся выше, оглядывая местность. Можно попроситься на ночлег в любой дом – если удастся найти поблизости жилье – но, чтобы не смущать хозяев, гораздо лучше отыскать гостиницу.

Пролетев еще километров сорок, я увидел на востоке небольшой зеленый круг с тремя желтыми отметками по периметру. Постоялый двор, да еще и неплохой. Гостиница семейного типа. Отлично! О лучшем и мечтать не приходится. Я плавно пошел на снижение.

Приземлился метров за триста от большого двухэтажного дома. Лицо, иссеченное снегом и дождем, уже высохло под теплым ветром. С одеждой дело обстояло хуже, но я надеялся воспользоваться гостеприимством хозяев, чтобы привести себя в порядок окончательно.

Изящная, выполненная со вкусом вывеска, подсвеченная светло-зелеными огнями, сообщала, что гостиница называется «Плакучая ива». Содержит Федор Сарабьев. Сертификат соответствия номер... Впрочем, до номера их сертификата мне уже не было дела. Древняя, наверное столетняя, ива, которая росла здесь еще до того, как построили дом, украшала лужайку перед главным входом.

Поднявшись на широкое и высокое крыльцо, я прикоснулся к сенсору интеркома. Почти тотчас над дверью ожил хорошо замаскированный глазок видеокамеры. Меня внимательно изучали. Спустя несколько секунд раздался голос:

– Желаете у нас остановиться?

– Хочу, – улыбнулся я глазку. – Найдется место?

– Найдется, найдется, – проворчал мужчина лет пятидесяти пяти в светлой, медового цвета рубаше и меховом жилете поверх нее, открывая дверь. – Пешком пришли?

– Нет, конечно. Прилетел. У вас хороший опознавательный знак – его видно издалека.

– А, вы с попуткой, – выдвинул свою версию и сразу же поверил в нее хозяин постоянного двора. – Вымокли, однако! Дирижабли сейчас не те пошли... И молодежь не та... Летают по дождю, по ветру. Все спешат куда-то. Гондолы открыты. Ветер им в морду бьет, а будто удовольствие. Одежда вся мокрая... Еще и попутчиков брать совесть позволяет. А время-то какое? Зима почти что. Солнце только на лето повернуло...

– Действительно, в дирижаблях сейчас неуютно, – не стал спорить я.

В просторном холле гостиницы жарко горел электрический камин, стилизованный под настоящий. Работала стереоустановка. Хозяин смотрел канал новостей. Здесь же, в глубоком кресле, вязала шерстяные носки хозяйка – дородная женщина с отеками на лице.

– У камина хотите погреться или сразу в комнату? – спросила она.

– Погреюсь, конечно... Удачно, что я вас нашел...

– Еще бы не удачно, – вздохнула хозяйка. – Угораздило же вас появиться сейчас! Уже неделю посетителей нет. Не сезон. Не иначе, к океану собрались? Там сейчас хорошо. Нежарко.

– Я не на отдых. В Турцию. Надо один объект посмотреть.

Лгать я не люблю и стараюсь по возможности этого не делать, но прямо заявить, что я лечу в Китай, было бы все же безответственно. Пусть хозяева хорошие люди. Пусть они слухом не слыхивали о шпионских делах в Москве. Но лишнее, случайно оброненное слово может слишком дорого стоить.

– А, по делам, значит... – проявил понятливость хозяин.

– Дельтаплан-то где поставили? – поинтересовалась хозяйка. – У крыльца? Надо помочь гостю, Федор! Одевайся, посмотри...

– Да он не на дельтаплане! – почти возмущенно ответил жене хозяин. – Ты не спеши, Маша... Что я, дела не знаю?

– Не беспокойтесь, – улыбнулся я. – У меня с собой нет транспорта.

– Господина подбросили до нашего двора, – объяснил хозяин. – Да вы, наверное, с Рамзаном ехали? На автобусе? Мне втемяшилось сначала, что на дирижабле. А ведь с радара сигнал не поступал. Правда, барахлит радар в последнее время. Лет десять как купил, надо бы профилактику провести.

– Зачем вам радар? – удивился я.

– Так в гостиничном деле радар – первый помощник, – почему-то смутился Федор. – Как радар в небе объект засечет, автоматический маячок включается, который экипаж и пассажиров в гостиницу приглашает. Не все ведь путешественники на зрение полагаются, вывеску ищут...

– Да, конечно...

Действительно, куда сейчас без радара? Особенно в такой глуши?

Позабывтый стереовизор, казалось, сам прибавил звук. Посреди гостиной словно бы материализовался огромный диск, вокруг которого сновали крошечные люди в скафандрах. Позади него не было ничего, кроме черноты космоса. Меня всегда поражала возможность стерео передавать габариты предметов. Казалось бы, диск размером с автомобильное колесо в реальном изображении трудно принять за огромный объект. Но даже если бы вокруг него не было людей, зрителям стало бы ясно, что диск размером с огромный дом, но никак не с суповую миску...

– Сегодня журналистам впервые продемонстрирован космический корабль «Великий поход», который собирали на орбите последние десять месяцев. Доставка комплектующих и оборудования велась с космодрома неподалеку от Сеула, – сообщил диктор. – Звездолет вступает в стадию предполетной подготовки. Напоминаем, что в систему Сириуса – альфы Большого Пса – «Великий поход» отправится через месяц.

– Дожили, – резюмировал хозяин «Плакучей ивы», убирая звук стереоустановки. – Все-таки большой звездолет с экипажем решили послать, на автоматы не рассчитывают. Как думаете, и правда на Сириусе есть люди?

– Люди – вряд ли. Но разумные формы жизни вполне могут встретиться. Сириус часто упоминался в легендах африканских племен, например догонов. Они знали о нем очень много. Такие вещи, которые просто не могли знать на своем уровне развития. Впрочем, как самая яркая звезда экваториального неба, он невольно привлекает внимание.

– Название-то у корабля какое занятное, – продолжил хозяин. – Нет чтобы назвать «Дальний поход» или «Великий проект»... Что там говорить – китайцы...

– Да, – машинально кивнул я. – Кстати, название не новое. Еще в двадцатом веке один из китайских ракетоносителей назывался «Великий поход». По-моему, название как-то связано с революцией.

Хозяйка отложила спицы, поднялась из кресла, тяжело поплыла к камину.

– Все бы мужчинам о политике... Сейчас я вам кофе приготовлю. Вы садитесь пока! Табурет вот, крутящийся, твердый – не промокнет. Как раз обсохнуть, Или снимайте одежду, в халат переоденьтесь...

– Спасибо, – кивнул я, усаживаясь на прочный ореховый табурет. – Обсохну, поем... А потом, может, и погуляю еще, У вас тут тепло, хорошо. На севере снег сейчас идет.

Версию относительно «прогулки» я забросил специально – посмотреть, как отреагируют хозяева. Их стереовизор явно не принимал тридцать третий кадр столичных каналов, но мало ли как далеко распространилась сеть агентов неведомой организации.

Нет, похоже, хозяева живут своей жизнью и до чужих интриг им нет дела. Хватает своих проблем.

– Гулять по ночам не надо, – заявила хозяйка. – Я к чему беспокоюсь-то... Федору бы только новости смотреть, на звезды любоваться. А у нас пошаливают. Жить страшно стало! Лет двадцать такого не было... Объявилась шайка. То ли «коты», то ли «волки», то ли все вместе...

– Прямо уж вместе! Такого не бывает.

– Еще как бывает, – заявил хозяин. – Вы-то из столицы, там таких чудес нет...

– В столице еще и не то есть, – успокоил я хозяина гостиницы, – А если шалят – что же вы не пожалуетесь в управу?

– Что не жалуемся, Федор? – обратилась к мужу хозяйка, посмотрев на него с какой-то надеждой.

– Так жаловаться вроде и не на что, – вздохнул Федор. – Нам они ущерба не причиняют. Крутятся вокруг, постояльцев пугают. И нас тоже. Что в их головы дикие взбредет – неясно.

– Опасно здесь поодиночке ходить, – гнула свое хозяйка «Ивы». – Вы бы лучше дома сидели. В комнате своей. Или вы по делу «котов» к нам и приехали? В такое-то время?

– Нет-нет, – заверил я хозяйку. – Первый раз слышу о здешних проблемах. Своих хватает.

Хозяин подошел к стойке бара, открыл шкафчик, придирчиво осмотрел стоящие там бутылки. Потом неспешно обратился к жене:

– Вреда они нам только пока не причинили, Маша... Да и дом цел, и не воруют, и даже на нас не нападают. А вот когда нападут – поздно уже будет! Они нас всех порешат! Звери дикие, нелюди...

– Но вы не беспокойтесь, у нас и парализаторы, и даже пулемет есть, – заявила Мария. – Федор охранную систему исправно содержит. А уехать вам надо будет – мы такси вызовем. Да и проводим. К дому они близко не подходят – боятся.

Кофейная машина издала мелодичный звук, хозяйка вручила мне дымящуюся чашечку с ароматным напитком.

– Ужинать будете? – спросил Федор.

– Обязательно! Если можно – протеинов побольше. Или углеводов, – попросил я.

– Что-что? – не поняла хозяйка. – У нас такого отродясь не бывало!

– Мяса хотелось бы, – уточнил я. – И сладкого что-нибудь...

– Федор! В клонильню! – приказала мужу Мария. – А клубничный пирог только что испечен. Не побрезгуете, мы уже половину съели?

– Да ну, что вы! Напротив – то, что хозяева едят, и гостю не грех, – рассмеялся я. – А то на некоторых постоянных дворах, я слышал, для гостей отдельно готовят. Что похуже.

– У нас таких безобразий нет, – объяснила хозяйка, – А жаркое мы уже съели. Поэтому самое свежее мясо из клонатора сейчас достанем, через час обед будет. Вас говядина устроит?

– Вполне, – кивнул я. – Говядина из клонатора – это ведь не убитая корова.

Когда от одежды перестал валить пар, я за Федором поднялся в предназначенную мне уютную комнату, переоделся в гостиничный халат, а одежду повесил досушиваться около маленького камина, которым был оборудован номер.

Да, хозяевам я задал работы... Одно дело – готовить ужин на нескольких постояльцев, другое – обслуживать одинокого гостя. Экономически невыгодно. Ну да ладно – пусть включают дополнительные услуги в счет... На то у них и коммерческое заведение.

В холле-гостиной между тем накрыли ужин. Около обеденного стола хлопотали уже две женщины: Мария и еще какая-то девушка, молодая, дородная и миловидная.

– Постоялец наш, – объяснил ей Федор, как будто меня можно было с кем-то перепутать или постояльцев здесь были толпы. – А это дочь моя, Даша.

– Рад знакомству, – поклонился я. – За всеми хлопотами и не представился. Меня Данилом зовут. Документы предъявить? Имплантов, видите, у меня нет, а идентификационная карточка в комнате осталась...

– Да что уж мы, приличного человека без документов не отличим от непорядочного? – всплеснула руками Мария. – Вы располагайтесь. Федор, думаю, рюмочку с вами пропустит... Да и все мы новости из столицы послушаем – если расскажете, конечно. Одно дело – стерео, другое – живой человек.

– Расскажу. Отчего не рассказать? Правда, какие сейчас новости? Зима...

– Да, зима, – вздохнули женщины.

За стол сели все вместе. Дамы взяли по кусочку клубничного пирога, налили ароматный дымящийся чай в фарфоровые чашки. Федор положил себе на тарелку небольшой, хорошо прожаренный кусок мяса. Мне досталось все остальное – три массивные отбивные с пряным соусом.

– Хорошее мясо? – довольно спросила Мария, когда увидела, что я съел две отбивные за пять минут.

– Да, отличное, – вежливо ответил я.

– А соус? – поинтересовалась Даша.

– Конечно...

Говорить, что качество соуса не имеет для меня никакого значения, я, естественно, не стал.

– Что будем пить? Вино? Пиво? Коньяк? – осведомился Федор. – У нас коньяк прямо с завода. Тут рядом – двести километров...

– Если можно – водку, – ответил я.

– Сразу видно настоящего мужчину, – рассмеялся хозяин. – А вам, девочки, все же коньяка?

– Лишнее это, – сурово взглянула на мужа Мария.

– Да что там, – хихикнула Даша. После пары рюмок разговор пошел проще и естественнее.

– Так чем ты занимаешься у себя... В столице? – поинтересовался Федор, проникшись ко мне большой симпатией.

– Работаю в сфере безопасности. Решаю вопросы поддержания должного уровня правопорядка... Выполняю специальные поручения...

– Полицейский, что ли? – уточнила Мария. Лицо ее слегка напряглось.

– Нет-нет... Я работаю на другое ведомство.

– На нет и суда нет, – ответил Федор, хитро прищурившись.

И тут с улицы донесся жуткий, душераздирающий вой.

Даша побледнела. Мария испуганно вздрогнула, зашептала что-то, Федор нахмурился и помрачнел. Вымолвил:

– Да уж...

– «Коты»? Или «волки»? – уточнил я.

– Да среди них, наверное, и «волкокоты» есть... – буркнул Федор. – Модификаторы сейчас самые разные продаются...

– Да, я слышал, что и медвежьи гены научились в кошачьи структуры встраивать...

– Может, и так, В генной инженерии я не силен – все больше по гостиничному бизнесу подвизался, – заявил Федор. – Да только некоторые типы жрут мутагены пачками. И что из них потом выходит – не поймешь.

– Понятно... А почему вы в комиссию по контролю за мутациями не обратитесь? – спросил я. – Вреда соседи вам пока не делают. Но им ведь и правда любая мысль может в голову прийти... Да что там мысль – импульс! У мутантов ведь мысли очень часто подавляются инстинктами.

– Пусть их, – вздрогнула Мария. – Пусть живут, как им нравится.

– А вы ведь их подкармливаете, – заметил я. – Боитесь?

Хозяйка изменилась в лице.

– Кто вам сказал? Почему так решили?

– Догадаться, вообще-то, немудрено... Зима, постояльцев нет – а у вас клонатор в рабочем состоянии. Меньше чем четыре кило мяса стандартный клонатор за раз не производит. В нормальном режиме – десять килограммов, Вам троим много ли мяса надо? И замороженного хватило бы, А вы отбивных пожарили немного совсем... Тоже неэкономно. Стало быть, остальное мясо собираетесь использовать как-то. А как? Теперь понятно – ведь кормушку я заметил, еще когда к дому подходил. Я заплутал немного, сзади зашел. Не собак же вы из того выдвижного короба кормите, что около черного хода у вас висит? Он и сделан с тем расчетом, что собака в него не залезет.

Хозяйка встала из-за стола. Похоже, она была готова заплакать.

– Не говорите никому, Даниил! – попросила она дрожащим голосом. – Пожалуйста, не говорите! Уж хотела я вас предупредить, уберечь, да себе во вред проболталась...

– В чем проблема-то? – по возможности мягче спросил я.

– Сын мой там, среди «котов», – всхлипнула женщина. – Не усмотрела я... Многие ребята из деревни в «коты» подались. И он тоже!

Да уж... Только этого не хватает! Местечковые страсти, беспутные дети...

– Если они плохого ничего не сделали – что им грозит? – спросил я. – Не беспокойтесь.

– Позор на семью, – вздохнула Мария. – У нас только сын ушел... А некоторые так целыми семьями в банду подались. Вот и жених Даши. Ходит сейчас под окнами, воет... К себе зовет.

– А ты, стало быть, не захотела «кошкой» становиться? – обратился я к девушке.

– Я еще собираюсь институт закончить, – прямо взглянув мне в глаза, ответила Даша. – Уехать отсюда. И родителей забрать.

– Никуда я не поеду, – твердо заявил Федор. – Давно бы уехать мог – незачем. И «котов» этих с «волками» я не боюсь, Тот, что мне сыном был – теперь не сын. Какой он сын, если от человеческой природы отказался? У него и кровь сейчас другая. Но и бояться я не буду... Ни его, ни еще кого-то.

– Это пока они по ночам разбойничают! – в сердцах воскликнула Даша. – Дальше хуже будет... Куда Миша-дурачок, по-вашему, делся?

Мария охнула и закрыла лицо руками.

– А я скажу, сожрали они его! – почти закричала девушка. – Он безобидный был. Все по окрестностям шлялся. Увидит кого из местных или приезжих, все спрашивает: который час? Десять раз тебя увидит – десять раз спросит. И пропал. Съели они его, сердце мое чувствует. И нас рано или поздно съедят. Застанут врасплох и растерзают. Они ведь не люди уже! Звери! Мать все никак понять этого не может!

Я поспешно доел третью отбивную, налил полный бокал водки и выпил. Федор только крикнул, глядя на меня.

– Ты близко к сердцу не принимай, – осторожно посоветовал он. – И не пугайся...

– Чего мне пугаться? – спросил я. – Сколько их там, в банде?

– Человек пятнадцать, – ответила Мария.

– Не человек, – поправил ее я. – Видоизмененные – не люди. Никогда об этом не забывайте – так будет лучше и для вас, и для них.

– Вы выпейте еще... Выпейте, – торопливо предложила хозяйка, опять наливая мне полный бокал.

– Спасибо, – ответил я, опрокидывая водку в себя. – Вы не беспокойтесь... Я в полицию не пойду. И в комиссию по мутациям – тоже. Если хотите, я попробую разобраться, чем занимается эта банда. На самом ли деле они виноваты в исчезновении этого Миши.

– Хватил ты через край, – попытался образумить меня Федор. – Я местный, меня здесь всякая собака знает. Оружием владею, как никто... А к их пещерке подходить боюсь... Это же «коты»! У них и реакция быстрее, и парализатор на них действует совсем не так, как на людей!

– И все же – у меня есть некоторый опыт работы с бандами видеоизмененных, – ответил я. – Занимался этим... Давно. Тогда, когда все это только начиналось. И их банды представляли гораздо большую опасность.

Федор поднялся из-за стола, подошел к большому шкафу темного дерева, в котором, как я полагал, хранилась посуда, и извлек из его недр мощный парализатор полицейского образца.

– А сейчас они не представляют опасности? – спросил он, взвешивая в руке оружие.

– Представляют. Но не для общества в целом.

Мария наливала мне третий стакан, пытаясь подмигнуть мужу. Я сделал вид, что не замечаю ее знаков.

– Куда идти... Поздно, пропасть недолго... Охо-хо, – вздохнул хозяин, возвращая парализатор на место. Его боевой пыл пропал.

– А пусть и сходит, если очень хочется, – неожиданно вступилась за меня Мария.

Вот как? Женщина даже не прочь отдать гостя на съедение «волкам» и «котам»? Впрочем, меня она сегодня видит впервые в жизни, а среди «котов» – ее сын. И уж если я начну болтать что-то лишнее – не лучше ли будет, если я не смогу рассказать никому? И ничего. Хотя, с другой стороны, Мария действительно может верить в невинность сыночка и не против того, чтобы я убедился в безобидности компании видеоизмененных. Только вот беда – не бывают такие компании безопасными! Потому и называют их не иначе, чем «бандами».

– Я скоро вернусь, – пообещал я. – Переоденусь сейчас, погуляю часок – и вернусь. Пустите обратно?

– Лучше бы вы с балкона воздухом подышали, – поджала губы Мария. – Но если так приключений хочется – ступайте.

– Парализатор хоть возьмишь? – спросил Федор. – Или у тебя свое оружие есть?

– Мне не нужно оружие, – ответил я.

Одежда высохла на удивление быстро. Хороший камин, отличная вентиляция. «Плакучей иве» вполне можно было присвоить и четыре звезды – если бы не банда видеоизмененных, устроившая лежбище поблизости. Казалось бы, какое мне дело до этого, когда мне предстоит важное задание? Но я был в состоянии решить эту проблему. Так зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Человек должен приносить максимум пользы. Всегда и везде.

Выходить через главный вход я не стал. Зачем? Пусть хозяевам будет спокойнее. Приоткрыв окно, выскользнул в образовавшуюся щель. Сигнализация не сработала – на пульте в прихожей я своевременно заблокировал секцию, отвечающую за окно моей комнаты.

Из хозяйской половины дома доносились всхлипывания Даши:

– Они и его съедят? Что же мы делаем, мама?

– Не съедят, – тихо, но горячо отвечала дочери Мария. – И никого они не съели. А герой твой побавалился, да и дрыхнет сейчас в своей комнате без задних ног. Что ты думаешь – самому выпить полторы бутылки водки? Куда он теперь годеен? Пьяные все смелые.

Насчет водки хозяйка постоянного двора ошибалась. Алкоголь на меня практически не действует. Водка – всего лишь калорийный напиток, богатый углеводами. И усваивается легко. Опьянеть же я не могу. Совсем. Имеются в этом и положительные, и отрицательные стороны.

Собак в гостинице не держали. Странно, конечно. В любом доме вдали от города собака – почти член семьи. Людей мало, и в случае чрезвычайной ситуации на помощь верного четвероногого друга всегда можно рассчитывать. Впрочем, здесь отсутствие собак объяснялось просто. Ни волки, ни коты с собаками не дружат. И видеоизмененные, даже если сохранили боль-

шинство человеческих черт, нет-нет, а попадут под действие инстинкта второго прототипа. А инстинкт естественного врага у животных едва ли не самый главный. Поэтому здешним собакам и не поздоровилось. Человекоподобные «коты» гораздо сильнее обычных псов...

Когда я выбрался во двор, небо было сине-серым, но еще не черным – солнце опустилось за горизонт недостаточно далеко. Луна не взошла. Звезды светили неярко. В воздухе хватало влаги.

По старой привычке я закрыл глаза и принялся. Нет, запаха видоизмененных не слышно. Скорее всего ветер дует не со стороны логова. Обоняние – не лучший способ найти цель.

Я открыл глаза и вслушался в колебания эфира – так, во всяком случае, называл эту субстанцию мой первый учитель, большой романтик Юрий Федорович Мальцев. Колебания жизни, всплески интеллектуальной активности, электрические разряды, сопровождающие высшую нервную деятельность...

В сарае за домом шевелились, засыпая, козы. Девятнадцать штук. Теперь понятно, почему хозяйка вязала носки. Пуха в избытке. Наверное, и прялка где-то имеется. На носках из настоящей шерсти можно сейчас сколотить небольшое состояние. Это – редкость, предмет роскоши. После того как был изобретен клонатор и животных перестали разводить на убой, мало кто возится с настоящими коровами, козами и овцами.

В доме, кроме троих уже виденных мной людей, никого не было. Найти лежбище видоизмененных не составило никакого труда. Оно дышало жадой, голодом, похотью и удовольствием. В нем копошились пятнадцать существ различной степени разумности. Кое-кто из них мыслил вполне адекватно, но некоторые по ментальному фону больше напоминали диких животных. Еще двое полуразумных прятались в саду, рядом с домом. Скорее всего они даже видели меня. Но стояли хорошо – по ветру. Они меня чуяли, я их – нет. Впрочем, вряд ли они подозревали, что я обладаю нюхом в достаточной степени, чтобы обнаружить их. У видоизмененных работали звериные инстинкты.

Что ж, посмотрим, как будут они себя вести. Даже хорошо, что они заметили «добычу» сразу. Будет время подумать – и у них, и у меня.

Я направился к логову. Туда, где собралась сейчас почти вся банда видоизмененных.

Небольшие холмы, заросли кустарника, скалы, расщелины, рощи... Местность в предгорьях Кавказа всегда была живописной, а сейчас, после глобального потепления, жизнь здесь по-настоящему бурлила. Спрятаться в буйной растительности не представляло никакого труда.

Поскольку вокруг было темно и полагаться на зрение в поисках пещеры особенно не приходилось, я шел по заранее намеченному вектору. Света звезд и свечения в инфракрасном диапазоне остывающих после дневного тепла скал хватало для того, чтобы не свалиться в расщелину или не споткнуться о камень.

О том, что двое видоизмененных идут за мной по пятам, я знал по запаху.

Рощица, за ней холм – и в нем темный для обычного человеческого глаза, но ярко светящийся в инфракрасном диапазоне зев пещеры. Самой настоящей, природной, не вырытой человеческими руками.

Около двери дежурил «кот» – типичный представитель мутации хомокотус³. Он был весьма похож на человека. Но незначительные различия делали его для людей едва ли не страшнее, чем полностью чужеродный организм. Хомокотус производил впечатление неизлечимо больного, заразного. Впрочем, данная мутация действительно до конца не лечится. А заразна она только психологически – как наркомания или алкоголизм.

---

³ «Номо» по-латыни «человек», «cattus» – кот. Новообразование «хомокотус» не очень верно с точки зрения произношения, но смысл передает верно – человекокот. Соответственно, хомолупус – человековолк («lupus» – волк).

Мохнатые уши хомякотуса, которые отличались от человеческих формой и расположением – они торчали на голове, словно у настоящего кота – чутко вслушивались в ночные шорохи. «Кот» уже услышал приближение сородичей. И понял, что они за кем-то следят.

Чтобы лучше услышать мои шаги, «кот» повернул в мою сторону лицо, или морду. Лоб его, как и у всех представителей данной мутации, зарос шерстью. Бороды или даже щетины, напротив, не было. Зато над человеческим ртом торчали в разные стороны чуткие тонкие волоски кошачьих усов.

Насколько я знал, у «котов» отличное от человеческого строение зрачка. Это кошачья «щелочка», а не людской «кружочек». У некоторых есть хвост. Причем часть хомякотусов его себе купируют.

Приспособленными для ночной охоты глазами дежурный быстро заметил меня. Сделать это было нетрудно, тем более что я и не скрывался. И с ним сразу случилось то, что часто происходит со всеми мутантами. Инстинкты взяли верх над разумом, пошел выброс адреналина в кровь, сердце забилось часто, и хомякотус превратился в охотника. В хищника, охраняющего свое логово. Прямо к нему двигалась безоружная жертва. «Кот» тихонько, на пороге слышимости, завыл и прыгнул на меня.

Я выставил вперед правую руку, намереваясь просто толкнуть распоясавшегося мутанта в грудь. Но «кот» неожиданно резко взмахнул руками, острыми когтями-ногтями распорол мне рубашку. Кожу его когти повредить не смогли. Зубы щелкнули рядом с моим носом.

Левой рукой я ударил хомякотуса в шею. Так, чтобы не сломать, но чтобы и очухаться он мог не раньше, чем через полчаса. Имея в виду, что позади меня еще двое охотников, которые готовы поднять тревогу, я, не теряя времени, нырнул в широкий зев пещеры.

Что ж, «коты» и «волки» устроились на славу. Вход был задрапирован большим куском брезента. За ним скрывался высокий сводчатый зал, примерно двадцать на сорок метров. Под потолком горело несколько светильников.

Пещера не только освещалась, но и обогревалась электричеством. В центре располагался огромный электрический очаг, жар от которого шел во все стороны. В дальнем углу горел еще один очаг, поменьше. Возле него терлись друг об друга и мурлыкали две «кошечки» и три «кота». Одна из «кошечек», несмотря на острые уши и «шерстяной» лоб, даже по людским меркам была очень симпатична. «Волк» в набедренной повязке – мутация «хомолупус» – наблюдал за играми «котов» со стороны. Стоит ли говорить, что кроме этого «волка» и одного престарелого хомякотуса все мутанты были без одежды?

Толстый силовой кабель, идущий от входа, показывал, что у обитателей пещеры нет своего генератора. Они пользовались электричеством со стороны. Скорее всего их снабжал электроэнергией реактор «Плакучей ивы».

Я пристально взгляделся в мутантов, которые еще не поняли, что в их логово пробрался чужой. Кто из них сын Марии и Федора, брат Даши? Они ведь не сказали, «котом» он стал или «волком»...

Хомолупусов в пещере было четыре. «Волки» похожи на людей больше, чем «коты». Широкие ноздри, мощные клыки. Да изредка – повышенная волосатость. Вот и все отличия. Только «волк» раза в полтора сильнее человека, обоняние его лучше в двадцать раз, слух – раз в десять, зрение – в три раза... И, конечно, он чувствует удовольствие в несколько раз острее человека. В чем бы это удовольствие ни заключалось.

Собственно, затем люди и жрут мутагены – не для того, чтобы получить дополнительные возможности, но дабы вкусить от жизни побольше. Сверхсила, сверхспособности мало кого сейчас интересуют. Хочешь быть сильным – вживи импланты, хочешь быть грозным – купи пулемет. А вот возможность получать удовольствие в десятикратном размере – приманка действенная. Поэтому и изнеженных «котов» больше, чем мужественных и суровых «волков».

– Эй, я пришел к вам с миром и никого не хочу обидеть, – тихо проговорил я.

Тем не менее услышал меня каждый. Половину мутантов сразу же «коротнуло». Они зашипели, зарычали, приняли оборонительные позы или начали подкрадываться ко мне, скаля зубы.

– Что тебе надо? – коверкая слова измененным горлом, прорычал огромный полуседой хомолупус.

– Я лишь осмотрю вашу пещеру и уйду, – сообщил я. – Мне надо знать, как вы живете.

Послышались разноголосые восклицания, взвизгивания и шипение.

– Если ты хочешь жить с нами – приди как брат, – предложил «волк»-вожак. – У тебя есть свои мутагены? Если нет, мы можем поделиться... Потом отработаешь. Сильные члены стаи нам нужны.

– Или не нужны, – капризно фыркнул молодой «кот». – От волчар житья не стало... Давайте лучше его съедим! Чтобы другим неповадно было соваться в запретные места!

Молодой провокатор, в отличие от некоторых других членов банды, не утратил еще человеческого разума. Он был хитрее и изворотливее многих. И гораздо порочнее. А для тех, у кого «упала планка», слово «съедим» из уст сородича прозвучало, как команда. Теперь они видели у себя в пещере не просто чужака, но существо из плоти. Жертву с горячей кровью, добычу, которой можно впитаться в глотку! Что может быть слаще?

– Не подходить! – приказал я как можно строже и громче. – Каждому оставаться на месте!

Кое-что мне уже стало ясно. Вожак-«волк» не был социально опасен. Он сохранил больше человеческих черт, чем приобрел звериных. Но, несмотря на авторитет, абсолютной властью в банде старый «волк» не пользовался. Его положение явно оспаривал молодой заносчивый «кот».

Вопрос заключался в том, насколько далеко успели зайти по пути к дикому зверю остальные мутанты. Рано или поздно они сорвутся, в этом сомнений не было. Но законы и принцип «нет преступления – нет репрессий» пока не отменили. К членам банды даже был применен закон о защите животных. Прав у них имелось едва ли не больше, чем у здоровых людей. Во всяком случае, если они меня сейчас растерзают, их направят не в тюрьму, а на принудительное лечение.

«Кот» с рыжими подпалинами на поросшей серым мехом голове с визгом бросился на меня, намереваясь вцепиться в ногу, сбить и дать возможность атаковать другим членам стаи. Я отшвырнул его почти мягко, подкорректировав направление броска. Мутант врезался в стену и тонко заверещал. Реакция у него была хорошей, а вот кошачьей ловкости не доставало.

Видя такое пренебрежение к члену своей стаи, от стены отошли два прежде дремавших молодых «волка». Абсолютно голые, они нисколько не стыдились своего внешнего вида. Да и было ли чего стыдиться? Тела были сложены пропорционально, могучие мышцы бугрились, глаза светились собственным зеленоватым светом.

– Покажите, покажите ему, братцы! – проверещал из своего угла «кот», который минутой раньше оспаривал слова вожака.

Что ж, хомолупусы могли попытаться что-то мне «показать». Но, по большому счету, шансов у них не было. Я даже не сделал кожу тверже, а мышцы сильнее. Только стал двигаться быстрее. Шаг навстречу одному «волку», удар между ушами, удар в грудь, в область сердца – и заскуливший хомолупус повалился на каменный пол. Второй успел упасть на четвереньки и вцепиться мне в ногу зубами. С ним причлось обойтись резче. Ударив его по спине, едва не сломав хребет, я одновременно дернул «волка» за голову, отрывая от своей ноги. Хомолупус вздрогнул всем телом и потерял сознание.

Кровь из прокошенной ноги сочилась в ботинок.

Усилием воли я замедлил кровотечение, а потом и вовсе остановил кровь. Но почуять, что я ранен, успели все. Лучше бы им не слышать запаха крови... Слишком соблазнительно! Даже у степенного прежде вожака глазки стали маслянистыми и бездумными.

Теперь каждому хотелось принять участие в охоте. Показать свою ловкость. Отведать свежий кусок мяса.

Только ушлый «кот», проявивший раньше столько сообразительности, не двинулся ко мне, а рванулся прочь, в дальний угол пещеры.

Я сразу понял, что главная опасность исходит от него. И бросился следом, Какие планы могут роиться в безумной голове мутанта? Что он может предпринять?

Хомокотус проворно скрылся за брезентовой занавесью, в небольшом отнорке. Я в три прыжка пересек пещеру, резко дернул и сорвал брезент, Моему взору открылась небольшая комната, Там, на мягкой подстилке, лежала еще одна «кошечка», а «кот» вытаскивал из деревянного ящика дисковый пулемет – оружие древнее, но грозное.

В прежде изолированной от остальной пещеры комнатке имелся даже стол – хотя обычно мутанты не любят человеческой мебели, за исключением мягких диванов и кроватей. На столе стоял человеческий череп. Он был тщательно очищен – скорее всего выварен, – но от него еще пахло плотью. Череп был свежим...

Крутанувшись на раненой ноге, здоровой я ударил хомокотуса в бок, «Кошечка» зашипела и бросилась прямо мне в лицо, выставив длинные, тщательно отполированные и заточенные ногти. «Кот» повалился, выпуская пулемет, «кошке» я сломал «лапу» – было уже не до церемоний.

В ящике обнаружились два парализатора, несколько осколочных гранат, патроны к пулемету. Зачем все это банде мутантов? Прежде хомокотусы и хомолупусы охотились только с помощью зубов и когтей. Что за удовольствие от охоты с пулеметом? А ведь живут они только ради удовольствий...

Сзади рычали и ревели взбешенные мутанты. Я выхватил из ящика парализатор, Не потому, что боялся противников и не доверял своим силам. Просто мне не хотелось калечить и тем более убивать этих несчастных. Заряд из парализатора, заставляющий нервную систему отключиться на пару часов, гораздо гуманнее.

Обернувшись, я сделал шаг назад и оказался лицом к лицу с тремя «котами», Эти хомокотусы были хвостатыми. Короткие пушистые хвосты дрожали от бешенства, Коты лезли прямо на меня.

Я нажал на гашетку парализатора, Синяя вспышка, разряд, ближайший «кот» свалился кулем на камни. Еще выстрел, и второй «кот», парализованный только наполовину, заскулил и начал разгребать и кусать землю. Третий хомокотус неожиданно прыгнул в сторону, уступая дорогу четверем «волкам». Среди них были вожак «стаи», и тотхомолупус, которого я приложил головой о стену, А сзади уже подкрадывались две «кошечки». В том числе – и та симпатичная, на которую я обратил внимание, едва войдя в пещеру.

Мгновение – и клубок тел должен был покатиться по полу пещеры. Столько противников сразу, лезущих напролом, мне не одолеть, Остается только вообразить себя непроницаемым коконом, стать таким коконом, позволить им попытаться вцепиться в меня, а уж потом вывести из строя по одному.

Так я и сделал. Бросившись под ноги «волкам», сбил на землю вожака, перекувырнулся через него, отмахнулся от ретивого молодого «волчонка», перехватил руку страшненькой «киски»... И получил заряд из парализатора. Хорошо, что он пришелся в раненую ногу, а не в голову. Я плохо переношу разряды парализатора в область мозга. Крайне неприятные ощущения...

У входа в пещеру, из которого веяло такой приятной прохладой, стояла Даша. С парализатором. Надеюсь, она стреляла не в меня, а в «кошечку», которая пыталась в очередной раз пустить мне кровь.

Еще несколько разрядов, и скулеж позади почти прекратился. Как бы ни беспокоился Федор о том, что парализаторы не способны эффективно поражать мутантов, они действовали

прекрасно. Возможно, он специально запасся модифицированными моделями? Ведь частоту излучения можно настроить и для воздействия на синапсы людей, и для умирения тех же «котов»... Всего-то работы – подкрутить один из верньеров настройки.

И все-таки Даша вошла в пещеру напрасно. Должной подготовки у нее не имелось. Во всяком случае, «волка», подкрадывающегося сзади, она не заметила. Хомолупус, который, по всей видимости, следил прежде за мной, а потом остался перед входом в пещеру, сейчас готовился броситься на девушку. Пасть оскалена, с мощных клыков падает слюна. И, что еще хуже, в руке хомолупус держал нож. Вот таких, не утративших полностью людских ухваток мутантов и нужно опасаться больше всего!

Я стряхнул с себя расслабленную «кошечку», вскочил на негнущуюся, прокушенную и парализованную ногу. Не успеть! Сейчас «волк» прыгнет на девушку сзади, вцепится ей в горло. Стрелять нельзя – разряд парализатора накроет Дашу, причем в области головы. Это может и сойти с рук, но процентах в пяти случаев после такого использования парализатора люди становятся идиотами или паралитиками. Рисковать не стоит.

Волк прыгнул длинным, затяжным прыжком. Я на негнущихся ногах сделал несколько торопливых шагов. И швырнул парализатор прикладом вперед, будто копье.

Лапы хомолупуса вцепились в плечи девушки. Зубы нетерпеливо щелкнули возле уха. Даша ахнула. Еще немного – и пасть сомкнется на шее, боковым захватом...

Парализатор все-таки долетел, ударив хомолупуса в лоб. Мутант вздрогнул, зарычал, вцепился в девушку еще крепче. Я успел подбежать, резко дернул голову мутанта, пытаясь вывернуть шею...

Не тут-то было. Мускулы хомолупуса оказались более чем крепкими. Он смог удержать свою шею ровно. Все втроем мы опять покатались по полу. Даша кричала, «волк» рычал... Только я помалкивал, подбираясь к артериям на шее мутанта. Тот разгадал замысел и вцепился в мои руки.

Может быть, он и был сильнее меня. То есть его мышцы наверняка были больше и мощнее. Но я гораздо лучше умел концентрироваться. И в определенные моменты мог приложить силу в десять раз большую, чем это было доступно ему.

Вдох, выдох, рывок – и я отшвырнул лапу «волка» в сторону. И ударил в ту точку на шее, поразив которую, можно приостановить приток крови и у человека, и у мутанта. Хомолупус дернулся и обмяк, я отшвырнул мощное массивное тело в сторону. Помог подняться Даше.

– Ничего не расшибла?

– Нет, – тихо ответила девушка.

– Зачем сюда пришла? Почему одна?

– Я боялась, вас съедят, – тихо ответила она. – Надеялась, что догоню вас еще до входа в пещеру. Вы же не знали, где она.

– Нашел, – усмехнулся я. – А парализатор для кого предназначался? Для меня?

– Нет-нет, конечно! – смутилась Даша. – Я ведь не попала? Вы как-то странно двигались...

– Ты попала куда надо... И не совсем не попала в меня, как говорил один плюшевый медвежонок...

– Медвежонок?

– Нуда... И вообще – давай уж на «ты», без церемоний... Большое дело сделали.

– Какое? – глаза Даши широко открылись.

– Выяснили, кто убил Мишу-дурачка, например, я видел его череп. На столе. В дальней комнате. Кстати, надо выяснить подробнее, что к чему. Пошли!

Даша тихо ахнула.

– Все-таки они... А я так надеялась... Вот этот, что бросился на меня сзади... Азамат. Мой бывший жених...

– Теплые чувства к тебе у него не угасли, – отметил я. – Он следил за тобой. Да и убивать на входе не стал. Хотя, наверное, мог. Только когда понял, что ты представляешь опасность для его стаи, напал.

– Его можно вылечить? – спросила девушка.

– Нет, – жестко ответил я. – Полностью – уже нет. Он может вести почти нормальную жизнь, но человеком, в полном смысле этого слова, ему уже никогда не стать. Изменения необратимы. И его дети, если он сможет их иметь, будут такими же «волчатами» как и он сам. Впрочем, как правило, гены мутантов не могут нормально скрещиваться. Ни между собой, ни с нормальными людьми.

Даша тихо заплакала. Я вернулся в пещеру. Парализатор поработал неплохо. Большинство мутантов валялись без движения. В комнате всхлипывала «киска», которой я сломал руку. В стену вжался молодой «кот», избежавший моих ударов. Непонимающими глазами смотрела вокруг симпатичная «кошечка». Сейчас, после эмоциональной встряски, она, кажется, вновь обрела человеческие реакции. Молодой же «кот» только шипел и плевался, полностью скатившись в дикое состояние.

Взяв симпатичную «кошку» за подбородок, я резко поднял ее голову и посмотрел в щелевидные зрачки.

– Сколько человек вы съели? – жестко спросил я. – На кого нападаете? Чем живете?

– Мы ничего плохого не делаем, – мурлыкнула «киска». – Мясо родственники привозят. Ну, мышку когда поймаешь... Слышал бы ты, как эти малявки пищат!

– Меньше лирики! – оборвал ее я. – Кто убил Мишу-дурачка? Когда? Как?

– Это все Семен. Он его ночью увидел на дороге и загрыз. В пещеру уже мертвого притащили. С Лариской. И сразу к себе, за загородку. Они с Ларой его потом неделю ели. Волки некоторые тоже пробовали... А нам и не предлагали даже. А когда уже неделя прошла, я сама отказалась. Лучше мышку поймать, чем глотать старые кости...

Даша, которая подошла было к нам, зажала рот рукой и кинулась к выходу из пещеры.

– Череп зачем он на стол поставил? – спросил я.

– Кто?

– Семен.

– Да Семен – он вообще с заморочками... Дикий, – ответила девушка-мутант. Из ее уст слышать это было довольно странно. – Он мутагенами регулярно обжирался. Он уже и не «кот», и не «волк»... Даже не знаю – кто.

Я вновь вошел в огороженную комнату. Тот, кого «киска» называла Семеном, валялся на полу в отключке. Действительно, было в его облике что-то странное. Острые уши приобрели какой-то синеватый оттенок. Пальцы вытянулись, ногти на них превратились в самые настоящие когти – с крючками на концах. Нос тоже видоизменился, стал почти плоским.

Рядом с Семеном по-прежнему скулила его подруга Лара. Она по внешним признакам была самым обычным хомячком.

Достав из ящика второй парализатор, я выпустил разряд в область позвоночника «кота», потом обездвижил больную руку девушки. Так будет надежнее и гуманнее. Сюда все равно придется вызывать спецкомиссию. Один раз попробовав крови, мутанты не остановятся. Всех их нужно долго и серьезно лечить, как бы ни печально это было для их родственников.

Выйдя из пещеры на прохладный, свежий воздух, я вздохнул полной грудью, чувствуя, как кровь обогащается кислородом. Даша сидела на камне рядом с пещерой. Лицо ее было бледно.

Я снял с пояса переговорное устройство, вызвал дежурного местной управы, представился, кратко обрисовал обстановку и попросил прислать санитарный отряд. Девушка наблюдала за моими манипуляциями с некоторым интересом. Но мысли ее, похоже, витали где-то далеко.

Когда переговоры закончились, Даша поинтересовалась:

– Связывался с кем-то в столице?

– Нет. Сообщил о происшествии в вашу управу. Скоро здесь будет санитарный отряд, полиция. Пойдем домой. Разберутся и без нас. Зачем тебе лишние вопросы? Если ты будешь здесь, привлекут в качестве свидетеля.

– А сам ты разве не останешься?

– Нет. Я уже дал показания, которые нужны. Представители местной управы должны быть довольны, что я помог им в решении данной проблемы. Заниматься ею дальше у меня нет ни времени, ни желания.

Даша хотела что-то сказать, замялась, потом все же спросила:

– Почему ты говорил по телефону? Насколько я знаю, работники государственных служб имеют постоянно действующие блоки связи. Импланты. Им даже запрещено их выключать.

– Ерунда. Импланты имеют далеко не все. А уж запретить их выключать человеку вообще никто не может.

– И все же... С имплантами удобно!

– А мне не нравится. Да и мешают иногда... Поэтому приходится пользоваться аппаратными источниками связи. Как делали наши предки...

В гостиницу мы возвратились быстро. До нее было каких-то четыреста-пятьсот метров.

– Ты говорила родителям, что уходишь? – поинтересовался я у девушки.

– По-твоему, отец отпустил бы меня одну? – спросила она.

– Всякое бывает...

– Я ушла тайком. Вылезла в окно своей комнаты. Так же, как и ты. Я проверяла.

– Молодец. Догадливая и наблюдательная. А где взяла парализатор?

Даша невесело рассмеялась.

– Уже год сплю с парализатором под кроватью. Только руку протянуть. И просыпаюсь не меньше трех раз за ночь. Это когда никто под окнами не воеет... Что ни говори, как ни смотри, а мы теперь вздохнем спокойнее. И соседи тоже. Хоть там и был мой брат, я его боялась не меньше, чем остальных. Даже больше. Потому что мать всегда могла впустить его в дом. А мы не были для него родственниками... Его родственники – в пещере.

– Да, конечно, – кивнул я. – Кстати, я не понял, кто из них был твоим братом?

– Молодой «волк». Он лежал без сознания, когда я вошла.

– Что ж, хорошо. Тебе не пришлось вставать перед выбором.

Даша посмотрела мне в глаза.

– Я бы выстрелила не задумываясь.

– Тем более хорошо...

Плакучая ива шелестела ветвями. Другие звуки не нарушали ночную тишь. В нескольких комнатах гостиницы горел свет. Не спала Мария? Бодрствовал Федор? Оба они поняли, что происходит неладное? Впрочем, неладное здесь происходило давно.

С юга послышался шум винтов вертолета. Полиция прибыла быстро. Возможно, на этом вертолете летят и спасатели. Сейчас полицейские блокируют пещеру, медики окажут первую помощь пострадавшим. Обследовать их будут уже в стационаре, когда придет наземный транспорт. Перевозить всю банду воздушным транспортом слишком дорого.

– Возвращаться будем так же, как вышли? – спросил я Дашу. – Ты сможешь влезть обратно в окно?

– Попробую, – ответила девушка. – Может быть, ты мне поможешь?

– Конечно...

– А сам ты как поднимешься на второй этаж? Пойдем через мою комнату?

– Спасибо за предложение, – кивнул я. – Идти по пути наименьшего сопротивления – не в моих правилах, но ночь выдалась утомительной... А будить твоих родителей было бы настоящим свинством. К тому же тогда придется отвечать на вопросы.

Окно Даши располагалось довольно высоко, метрах в полутора над землей. Я посадил девушку, она уже почти забралась на подоконник, когда неожиданно потеряла равновесие и упала на меня, обняв за шею. Была она нетяжелой и мягонькой, поэтому удержать ее было нетрудно. Острым локтем она меня не ударила. Наверное, у нее не было острых локтей.... Но мы едва не свалились в траву, на клумбу.

– Какая я неловкая, – тихо сказала Даша.

– Что ты, это моя вина, – возразил я, а про себя подумал: не такая уж ты неловкая...

Похоже, равновесие девушка потеряла намеренно. Со второй попытки Даша влезла в окно без всяких проблем, а следом за ней в комнату поднялся и я.

– Тише! Родители услышат! – шепнула девушка, хотя я и не думал шуметь.

– Хорошо, – шепотом ответил я.

Тут Даша подошла ко мне вплотную и крепко поцеловала. Интересно, зачем она предупредила, что нельзя шуметь? Предполагала, что я буду отбиваться? Или оставляла пути отступления для себя?

– Хочу искупаться, – тихо сказала она минут через пять. – А потом можно поговорить. Ты не против, если я поднимусь к тебе?

– Нет, конечно.

Не в моих правилах отказывать женщинам в подобной ситуации.

– Подойду через полчаса, – пообещала девушка.

Ох, ну и ночь!

Даша выглянула в коридор, показала мне лестницу. Я тихо поднялся к себе, сбросил одежду, зашел в душевую.

Прокушенная и обработанная парализатором нога выглядела не лучшим образом. В хорошее время ее нужно было бы полечить дня три. Или хотя бы день. Но я не мог оставаться здесь даже на сутки. Поэтому достал из рюкзака шприц и пузырек с дозой восстановительного раствора, сделал себе инъекцию и встал под душ. В течение нескольких дней нога будет работать немного хуже, чем обычно, но в целом она восстановится меньше чем через час.

Душевая установка в «Плакучей иве» работала отлично. Она функционировала и в циркулярном, и в контрастном режиме. Так что расслабиться и вымыться удалось очень хорошо.

Только я успел вытереться и надеть халат, как в дверь поскреблись.

– Входи, Даша, – пригласил я и тут же сообразил, что мог ошибиться и крепко сесть в лужу. Ведь что-то понадобится от меня могло и Федору, и Марии.

Но пикантной ошибки не произошло. Дверь приоткрылась, на пороге появилась девушка. Распущенные темные волосы пахли ландышем, щеки ярко румянились... Глаза Даша скромно потупила.

Мы были взрослыми людьми, и я, конечно, понимал, зачем она пришла. Особенно после того, как мы целовались в ее комнате. Но старательно делал вид, что не совсем ориентируюсь в происходящем.

Еще в душевой у меня мелькнула шальная мысль – сбежать, предотвращая двусмысленную ситуацию. Но каково бы это было для девушки – она поднимается ко мне в комнату, а кавалер смылся? Даже не заплатив за постой? Впрочем, заплатить-то, конечно, проблемы не составляло. Перевести платеж на счет гостиницы можно из любой точки мира в любое время, да вот моральный ущерб восполнить трудно. Нельзя так обращаться с женщинами! Поэтому я и остался.

– Проходи, пожалуйста! Ты собиралась о чем-то со мной поговорить? – я сделал приглашающий жест в сторону удобного кресла.

Даша покраснела и остановилась посреди комнаты.

– Да. Собиралась. Хочешь, я останусь с тобой на ночь?

Не скажу, что я был шокирован, но такой прямоты от нее не ожидал. Впрочем, к чему ходить вокруг да около? Она – женщина, я – мужчина... Это уже что-то...

А женщиной она была очень милой. Аккуратный носик. Яркие губы. Красиво изогнутые брови. Очень гладкая белая шея. Ласкающая взгляд линия нежного, маленького подбородка. Когда-то такие женщины были в моем вкусе. Сейчас...

– Давай кое с чем определимся, – предложил я, беря девушку за плечи и усаживая ее в кресло. – Ты хочешь меня?

– Да, – прошептала Даша.

– Не прими этот вопрос за праздный, с какой целью? Ты хочешь ребенка? Собираешься доставить удовольствие мне? Или намерена получить его сама?

Даша покраснела еще сильнее, губы ее задрожали. Она сделала попытку подняться, но я удержал ее. Конечно, девушка решила, что я над ней издеваюсь.

– Понимаешь, я ведь спрашиваю не просто так. Потому что ребенок – это очень серьезно. А относительно удовольствия... Ты очень красивая и, может быть, просто хочешь отблагодарить меня подобным способом?

– Мерзавец, – прошептала девушка сквозь слезы. – Ты что, не мог сразу дать мне понять, что я тебе противна?

– Мерзавец – это уже лучше, – улыбнулся я. – По крайней мере, ты искренна. Нет, ты мне очень приятна. Но... Понимаешь, я не хотел нарушать инкогнито. Дело в том, что я магистр.

Нет, Даша не понимала. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Монах, что ли? – уточнила она, надув губки. – Так что ж ты меня целовал тогда?

– Ты ничего не слышала о магистрах?

– Не знаю... Не помню...

А что же – могла и не слышать. Девочке не больше двадцати лет. Живет в деревне. Разве магистры ее интересуют?

– Магистр – это сокращение, – объяснил я. – Модифицированная автономно генетически исправленная структура типового реестра.

– Структура? – девушка прикрыла рот ладошкой. – То есть ты – не человек? Робот? Или ты такой же мутант, как «коты» и «волки»?

– Нет. Я-то как раз человек. Дело в том, что у магистра генетически модифицирована структура тела. Человеческого тела и человеческого мозга. Без каких бы то ни было примесей – о чем и говорит не очень удачное, какое-то нечеловеческое сочетание «типовой реестр». Разработчики проекта магистров не слишком задумывались над тем, как будет звучать расшифровка сокращения... А сокращение получилось действительно красивым. Я – человек, Дашенька. И я могу контролировать себя очень хорошо. Так хорошо, что многие даже не представляют. Но генетические изменения, разработанные для магистров, имеют ряд особенностей. Необходимых особенностей. Я не чувствую боли.

– Совсем? Как же ты не обжигаяешься, когда чай или суп горячий? – ахнула Даша. – Или когда зацепишься обо что-то – не замечаешь?

Что ж, в некоторых вопросах Даша разбиралась очень даже неплохо. Скажем, понимала, зачем в природе предусмотрена такая неприятная штука, как боль.

– Обязательно замечаю. Я всегда получаю информацию о любых изменениях, происходящих с моим телом. В гораздо большем объеме, чем любой человек. Знаю температуру чая, когда пью. Получаю сведения о характере повреждений тканей и глубине проникновения лезвия, когда порежусь. Или когда меня укусит хомолупус, как сегодня...

– Да, любопытно, конечно... Стало быть, женщины тебе не нужны?

Я засмеялся.

– Мне нужны все люди. Не подумай ничего такого...

– Какого – такого?

И опять я забыл, что девушка очень молода. Гомосексуалистов она не застала. Сейчас-то они, понятно, вымерли. Как только для них настала свобода, скрываться, прятаться, жениться и выходить замуж в целях маскировки они не стали. Жили, как им нравится. И, естественно, не оставляли потомства. Генофонд практически полностью очистился за каких-то сто лет...

– Ну, одним словом, мне теперь можно не бояться боли. Я воспринимаю ее структурировано, как разумное существо, а не как животное, – продолжил я объяснения – То есть любая боль для меня – информация, не более. Меня невозможно принудить к чему-то болью. Даже если у меня сломана нога или имеются существенные повреждения организма, я могу двигаться до тех пор, пока работают мышцы. У меня не может случиться болевого шока. Удобно, конечно. Но у медали имеется и обратная сторона. Я не могу полноценно испытывать удовольствие. Точнее, я получаю его не от того же, что нравится другим людям. И не в той степени. Мне очень приятно узнавать что-то новое. Я получаю эстетическое наслаждение от хороших книг, картин, стереопостановок. Но ем я только для того, чтобы пополнить запас белков, жиров и углеводов. Пью – чтобы восстановить баланс жидкости в организме. Алкоголь для меня – не более чем еда. Я не пьянею. На меня не действуют наркотики. Словом, многих обыденных радостей я лишен...

– И с женщинами у тебя ничего не получается... Бедненький...

Даша погладила меня по голове мягкой ладошкой и посмотрела очень жалостливо.

– Почему же не получается? Получается... – возразил я. – Организм находится под моим контролем. Я владею им в полной мере. Просто хочу объяснить тебе, что не надо предлагать себя как вознаграждение. Если сама не хочешь.

– По-твоему, я похожа на шлюху? – оскорбилась девушка.

– Нет, – сказал я, целуя ее.

– И все-таки? – пытаюсь вырваться, продолжала настаивать девушка.

– Разве что чуть-чуть... Внешне... Потому что ты очень красивая.

«И потому что тебя это возбуждает, – добавил я мысленно. – Потому что ты хочешь казаться такой сейчас».

Через час раскрасневшаяся и довольная Даша поинтересовалась:

– Так что, ты совсем не получаешь удовольствия?

– Как тебе сказать... – улыбнулся я. – Эстетическое, наблюдая за тобой, – несомненно.

– И только?

– Нет, конечно... – соврал я.

– А мне очень понравилось! – призналась девушка. – По-моему, ты все сочинял... Выпендривался. Так ведь?

– Считаю как хочешь.

Поднявшись с постели, Даша подошла к окну.

– Эх, и отчего люди не летают, как птицы?

Я улыбнулся, услышав вечный вопрос русских женщин.

– Некоторые летают... Но это не так здорово, как кажется, – ответил я.

Впрочем, спустя мгновение романтическая Даша спросила:

– У тебя сигарет нет? Я бы закурила... Родители вообще-то не разрешают...

– Сигарет? Нет, конечно, – ответил я. – Пусть потребление алкоголя хоть как-то оправданно, но курение абсолютно бессмысленно! Зачем же поглощать вместе с дымом ядовитые вещества, если ничего полезного он не содержит? Яды не так-то легко вывести из организма. Это отнимает много времени и энергии.

– Ну, ты и нудный, Даниил! – фыркнула Даша. – Впрочем, у тебя есть и некоторые положительные качества... И в постели ты очень мил, что бы ни плел про свое воздержание.

Я поцеловал Дашу еще раз, взял из-под кровати рюкзак и встал на подоконник.

– Мне было хорошо с тобой, – заверил я девушку. – Деньги за постой твоим родителям переведу сегодня или завтра. А сейчас – прощай.

– Уходишь? – подняла брови Даша. – Можно и через дверь...

– Улетаю, – улыбнулся я. Прислушавшись к своему телу, я ощутил каждый мускул, каждую клеточку, каждый нерв. Отдал всем клеткам синхронный приказ: вверх, только вверх. И поднялся над подоконником, полетел к розовеющим облакам, набирая скорость.

Пусть я могу управлять только десятью процентами массы тела, способен синхронизировать движение только определенного процента клеток – этого достаточно для левитации и полета. Начальный импульс – словно у броуновской частицы: с одной стороны в нее ударяют сто молекул, с другой – сто десять. Но именно этот дополнительный импульс придает частице ускорение. Так и мои нервные импульсы позволяют сделать рывок.

На первом рывке, конечно, далеко не улетишь. Но организм человека пропитан электричеством. И клетки вполне могут генерировать электромагнитное поле нужного вектора и напряженности. Кинетический рывок, поддержка с помощью электромагнитного поля нужного вектора, поляризация некоторых клеток, вновь рывок... Я словно отталкиваюсь от электромагнитного поля Земли, цепляюсь за воздух. Не так легко. Учиться этому приходится не один десяток лет, нужна высочайшая концентрация внимания. И энергии требуется порядочно. Но для полета мне не нужны дополнительные приспособления. Я даже могу прихватить что-то с собой. Скажем, не очень тяжелую сумку.

Свежий ветер бил в лицо. Снизу на меня заворуженно смотрела Даша. Да, милая, технологии, которые могут сделать человека подобным небожителю, при неправильном использовании разрушают его личность, превращают в животного. И самим небожителям живется не так легко и приятно, как кажется со стороны...

Много работы. Много ответственности. И почти никаких удовольствий. Точнее, удовольствие – только от хорошо выполненной работы...

ГЛАВА 3

Найденыш

Россия осталась позади. Я пролетел над зелеными полями, холмами, лесами, преодолел огромное водное пространство Каспийского моря, которое бороздили редкие утлые суденышки – и попал в страну жаркого лета.

Да, если в центре России сейчас все еще бывает снег – зимой, конечно, – то здесь глобальное потепление сделало климат еще жарче и, самое главное, влажнее. Выращивать полезные культуры в Средней Азии теперь можно практически в любое время года. Была бы вода.

Внизу проплывали желтые и зеленые поля, изборозжденные крупными и мелкими арыками. Заброшенных деревень было меньше, народу в населенных пунктах и на полях – больше. Сейчас исламские государства стимулировали рождаемость всеми доступными средствами.

Если в Европе смертность стабильно превысила рождаемость уже в конце двадцатого века, то Азия продержалась дольше. Примерно до шестидесятых годов двадцать первого века. И лишь потом, с улучшением условий жизни, повышением уровня культуры и образования, с возросшим стремлением каждого человека получить больше именно для себя, рождаемость резко упала. Еще значительнее, чем в Европе и Америке. Многие азиаты не то чтобы хотели иметь одного ребенка, а вообще предпочитали не заводить семью. В моду вошли странные этические учения, призывающие отказаться от продолжения рода. Злые языки утверждают, что над их разработкой трудились лучшие психологи Запада. Ведь одинокие представители белой расы опасались затеряться среди сотен желтых и черных жителей Земли.

Следствием повышения уровня жизни и более внимательного отношения к каждому человеку явилось то, что, несмотря на относительное политическое спокойствие, отсутствие в конце двадцать первого века серьезных военных конфликтов, резкое снижение смертности от голода и болезней, население планеты в целом перестало расти, а потом начало стремительно уменьшаться.

Руководители стран Восточно-Азиатского альянса, доминировавших на планете в конце двадцать первого века (не в последнюю очередь благодаря превосходству в численности населения), раньше всех поняли, что при таком раскладе век их государств тоже будет недолог. И «закат Азии» наступит так же, как и закат Европы... А на смену придут Африка, Латинская Америка, может быть, Океания.

Удержаться на пике могущества трудно. И японцы, китайцы, корейцы приняли соответствующие законы, начали официально преследовать членов сект «воздерженцев» и «одиночек». Вся остальная Азия, а за ней и мусульманские страны, пошли по этому же пути.

В Средней Азии стимулировать рождаемость начали поздно, но это уже давало определенные результаты. Во всяком случае, почти вся земля обрабатывалась. Заброшенных полей осталось не очень много – примерно третья часть от общего числа пригодных для обработки земель.

Сложно сказать, над территорией какого государства я сейчас пролетал. Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан? Границы между этими государствами передвигались, в начале двадцать первого века конфликты случались часто... Даже сейчас внизу можно было увидеть полуразрушенные бункеры, доты, убежища, эшелонированные линии обороны. Все это давно никак не использовалось. Люди перестали убивать друг друга без крайней необходимости. Их осталось слишком мало.

Укрепления закрывали вход в ущелье, по которому текла с гор бурная речка. За развалинами военных построек виднелась деревня. Совсем небольшая – посевных земель вокруг было мало. Несколько глинобитных хижин, которые стояли здесь, возможно, не одну сотню лет. И

двухэтажное каменное здание – скорее всего позапрошлого века постройки. Крайне немудрая, но функциональная архитектура. Прочные стены, покатая бетонная крыша, небольшие окна.

Из одного окна двухэтажного дома вместе с рамой вдруг спиной вперед вылетел борода-тый человек. Перекувыркнулся в воздухе, распластался на земле. Непривычное зрелище! При-смотревшись к местности пристальнее, я разглядел за камнями десяток бородачей, наблюда-ющих за домом. Половина из них была вооружена допотопными американскими винтовками и не менее устаревшими автоматами Калашникова, половина обходилась еще более древними, словно взятыми из музея, ружьями. Только один мужчина в тюрбане держал в руках совре-менную лазерную винтовку импульсного действия. Серьезное оружие. Вполне подходящее для того, чтобы несколькими выстрелами пробить стену каменного дома. Или поразить скрывав-шегося в нем противника, не разрушая стен – пучком мощного рентгеновского излучения.

За кем же охотятся добропорядочные подданные неизвестного среднеазиатского госу-дарства или, напротив, бандиты одной из шаек, так и не уничтоженных правительством? Я осторожно опустился на землю на окраине села. Длинными перебежками направился к двух-этажному зданию.

Нападавшие были сосредоточены с одной стороны – там, куда выходили окна здания, где открывался темный провал входа без двери. Я заходил со стороны глухой стены, которую, казалось бы, незачем контролировать – выбраться из дома там негде.

Прятаться я любил и делал это не так плохо. Прыжок, еще один... Проползти между камнями, перекатиться через открытую площадку... Мешал рюкзак, но мне не хотелось с ним расставаться. Как знать, удастся ли подобрать его после завершения этой истории? И чем она вообще закончится?

Задняя стена оказалась не очень толстой. Она была сложена в полтора кирпича. В память о каком-то древнем землетрясении остались две трещины, идущие через все здание. Трещины пытались заделывать раствором, но безжалостное время свело усилия по ремонту на нет.

Добравшись до «мертвой зоны» за глухой стеной дома, где никто из бородачей уже не мог меня увидеть, я начал расширять одну из трещин. Расшатал и вытащил один кирпич, и сразу стало легче. Второй вылетел почти сам, третий пришлось сломать – слишком крепко он был зажат. Я сместил направление усилий, начал пробивать дыру правее, там, где кирпичи не были «задавлены» весом здания.

Минут десять – и в стене образовалась дыра, куда смог протиснуться. Главное теперь, чтобы ее раньше времени не обнаружили нападающие.

Внутри дома царили прохлада и полумрак. Я очутился, видимо, в какой-то подсобке. Хорошо, что дверь в комнате не сохранилась: выбивать ее или снимать с петель – лишний шум.

Проскользнув в коридор, я увидел лестницу, начал подниматься вверх. Сверху послы-шался шорох. Пришлось ускорить движение, жертвуя маскировкой. Сверху послышался треск, вопли, замелькали тени.

Поднявшись, я обнаружил, что, пока я проделывал проход, нападавшие подтащили лест-ницу. Оборонявшийся, засевший в сравнительно большом зале, одним ударом отшвырнул ее от окна. Но в зале остался один из бородачей, которого мне так и хотелось назвать «душманом». В одной руке он сжимал нож, в другой – электрошокер. Вокруг бородача кружился молодой щуплый азиат – скорее всего китаец. Конечно, он мог быть и японцем, и корейцем, но все же китайцев живет на планете больше. Гораздо больше! Так что вероятность встретить китайца всегда выше. Поэтому я решил считать молодого человека китайцем.

Когда «душман» вскинул руку с электроразрядником, юноша скользнул ему под ноги, избежал встречи с электрошокером, выгнувшись, ушел от ножа, подхватил весившего под центнер бородача за ноги и выбросил в окно.

– Неплохо, – прокомментировал я.

Китаец тотчас обернулся, принял защитную стойку. Лоб его перехватывала красная повязка, руки были украшены мозолями, которые можно приобрести, только регулярно занимаясь боевыми искусствами. Дышал молодой человек ровно, мое появление его озадачило, но не испугало.

Хотя европейцу не всегда просто определить возраст азиата, я был уверен, что парню никак не больше двадцати лет. Да каких там двадцати – шестнадцати! Уверенный и вместе с тем простодушный взгляд, обветренные скулы без следа растительности, черные, коротко стриженные волосы.

– Не собираюсь причинять тебе зла, – заявил я, демонстрируя открытые пустые руки. – Зачем ты здесь? Что произошло? Почему на тебя нападают?

– Я скромный монах, следующий путем Будды, – едва ли не нараспев ответил китаец. – И никому не желаю зла.

– Но тебя, похоже, не хотят оставить в покое.

– Должно быть, приняли за шпиона, – чересчур легко и простодушно заявил паренек. – Не часто встретишь обитателя Поднебесной на здешних дорогах.

Значит, я не ошибся. И правда, китаец. Но хоть бы красную повязку с головы снял! Китайцев здесь, насколько я помню, не слишком жалуют. Русских, впрочем, тоже. По старой памяти... Слишком много войн велось на этой земле. И русскими, и пришельцами из Поднебесной.

Очередной бородач с автоматом наперевес показался в дальнем конце коридора. Не иначе, влез в одно из открытых окон.

– Ложитесь! Ложитесь! – закричал он по-русски почему-то с китайским акцентом. Будто специально для монаха...

Все-таки русский оставался языком знаний. И, соответственно, языком межнационального общения хотя численность населения России упала сейчас до уровня середины двадцатого века и составляла едва ли один процент от общего населения планеты.

– Убери автомат, – предложил я бородачу. – И сам убирайся отсюда.

– Всех постреляю! Ноги отстреляю! – коверкая слова, продолжал угрожать абориген, на территории которого мы имели несчастье оказаться.

Китаец вполне мог отступить за стену, оставив на линии огня меня одного. И потом расправиться с шустримым автоматчиком – навыки рукопашного боя у него были весьма приличными. Но он не желал провоцировать нападавшего, давать ему повод открыть огонь.

Сильно толкнув китайца – он просто улетел в боковую комнату, за линию огня, – я использовал импульс для того, чтобы сместиться к противоположной стене коридора. Вспомнив некоторые фокусы шаолиньских монахов, пробежал немного по стене, почти параллельно полу. Потом перекувыркнулся в воздухе и выбил автомат бородача ногой. Тот был настолько глубоко растерян, что даже не успел выстрелить. Ни разу. Впрочем, даже если бы он выпустил весь рожок, вреда это никому бы не причинило. Я четко отслеживал зону возможного поражения и не входил в нее. Китаец был прикрыт стеной.

– Кто такие? Что вам нужно? – спросил я, взяв бородача за горло.

– Полиция баши-шаха. Охрана безопасности, – ответил бородач. – Вы ответите за все! Кажется, у него даже уменьшился акцент!

– Уходим, – предложил я юноше, одним нажатием на шею обездвиживая «душмана». Потеря сознания продлится недолго – две-три минуты. – Подданные шаха-отца, по-моему, никак не откажутся от мысли взять тебя в оборот.

– Главный вход стерегут люди с оружием грозным, – поэтично сообщил китаец очевидную истину.

Он потирал ушибленную грудь, искоса поглядывая в окно.

– Есть еще один выход, – объяснил я. – Новый. Его не охраняют. Быстрее!

Молодой человек мне поверил, что говорило в пользу его неиспорченности и наивности. Я бы не пошел за незнакомым человеком так легко. Даже если бы он только что спас мне жизнь. Потому что в дальнейшем у него могли обнаружиться противоречащие моим интересам планы.

Несколько секунд – и мы спустились на первый этаж. Я вылез в дыру первым, китайчонок проскользнул следом. «Душманы» не успели еще обнаружить нашу лазейку.

– Можно в горы уйти, где обилие троп, – предложил юноша.

– Подожди. Спрятаться там, наверное, не очень трудно... Но зачем прятаться в ненадежных укрытиях? Твои преследователи знают эти горы и укрытия в них лучше нас. Или ты бывал здесь прежде?

– Мне эти места незнакомы.

– Тогда постараемся придумать что-то другое.

– Размыслить неплохо всегда, – ответил молодой китаец. – Только вот я на придумки не остр.

– Сейчас. Отдышусь – и решим, что делать дальше!

Манера изъясняться моего нового знакомого была весьма странной. Но сейчас особенности речи китайца занимали меня в последнюю очередь. Нужно найти способ убраться отсюда без потерь. И, желательно, без погони.

Я погрузился в себя. Вслушался в то, что творится вокруг. Бородачи рассвирепели не на шутку. Только приказ взять лазутчика живым, пришедший от командования, пока еще сдерживал их. Но ярость в бородатых полицейских так и кипела. Да уж, в живых они моего нового знакомого оставили бы, но избить обирались до полусмерти... А вечно отбиваться от нападения в заброшенном доме он, конечно, не смог бы.

На ментальном фоне разъяренных участников осады мозг одного человека, прятавшегося поодаль, за глинобитной хижинкой, излучал прямо-таки олимпийское спокойствие и умиротворенность. Человек ничего не боялся, ему было абсолютно все равно, поймут лазутчика или нет. И в бой его посылать не собирались.

Насколько я мог определить, неизвестный сидел на чем-то большом и металлическом. Из этого легко можно было сделать вывод: он водитель, привез боевиков сюда и ждет окончания операции. Может просидеть здесь весь день. Так даже будет лучше. Спирт, на котором ездит джип, останется целее. Бородачи после операции много не выпьют, а жену начальника полиции баши-шаха не нужно везти в город за покупками...

Все было слишком уж просто. Не ловушка ли это? Хотя какая тут может быть ловушка? Тот, кто ставит мне ловушки, будет действовать изощреннее. Например, попытавшись навязать в спутники славного молодого человека, романтика и поэта...

– Как тебя зовут? – поинтересовался я у китайца.

– Дима, – ответил тот.

– Что? – удивился я. – Ди Ма?

– Нет. Дима. Дима Лян. По-китайски – Лян Дима. Фамилия прежде идет, а имя – за ней. Был назван отцом я в честь Менделеева Дмитрия. Химиком был он.

– Да уж знаю...

– Не Менделеева разумел я, но отца своего, – уточнил китаец.

– А... Ясно. Стало быть, Дмитрий? И монах?

– Монах. Но не Дмитрий, а Дима. Китайцу было бы тяжело с именем Дмитрий прожить. Вот Дима – дело другое.

– Что ж, рад знакомству... Меня зовут Даниил.

Дима слегка поклонился.

– Рад, что судьба нас свела, Даниил.

– Лет тебе сколько, Дима?

– Шестнадцать.

– Как же ты можешь быть монахом? Ведь буддийскими монахами становятся только после двадцати...

Китаец едва заметно улыбнулся, склонил голову.

– Возможны исключения. Примерный член я сангхи⁴. И правила Виная-питаки строго соблюдаю.

Мы лежали за камнями, вслушиваясь в шелест сухой травы, раздающиеся изредка крики бородачей, которые, похоже, тоже решили отдохнуть. Под палящим солнцем было жарко, но лучше хорошо подготовиться, чем бросаться в атаку наобум. Нападающие дали нам передышку – ею надо воспользоваться. Вот когда осаждавшие соберутся повторить штурм – нужно действовать. Потому что заняв пустой дом, бородачи быстро догадаются, куда мы скрылись.

– Боюсь показаться назойливым, но как ты попал в эти края? – спросил я еще раз.

Молодой китаец тонко улыбнулся и продекламировал:

– Путник усталый дальней бредет стороной; Из дому вышел – тысячи ли за спиной. Думает путник: что же мне делать теперь? Может, вернуться? Но где отворится дверь?

Дима так и не ответил на мой вопрос, но настаивать я не стал. Он сумасшедший? Скорее всего нет. Чтобы так виртуозно говорить на чужом языке, нужно сохранять рассудок. Конечно, парень со странностями. Но у кого их нет – пусть первым бросит камень...

Желая поощрить молодого монаха, я заметил:

– Ты настоящий поэт...

– Что ты! Строки, что здесь прозвучали, не я написал. Так сказал Цао Чжи.

Собирался ли китаец уносить ноги из негостеприимного аула, чтобы вернуться домой или пробиваться дальше, к своей неведомой цели, сейчас нам необходимо было избавиться от преследователей.

– У них неподалеку машина, – сообщил я. – Захватим ее и уедем.

– Видел, – ответил Дима. – На ней приехали люди с оружием грозным. Те, что гоняли меня, словно зайца, по здешним просторным полям. Им помогали окрестные жители с ружьями, дробью палящими. Те, что с винтовками, мнится мне, из улуса...

По-русски китаец разговаривал практически свободно, только своеобразно. Акцент был едва заметен, словарный запас, наоборот, впечатлял.

– У них здесь, пожалуй, не улусы... Впрочем, какая разница?

Хлопнул один выстрел, другой. Раздался громкий крик, топот. Бородачи пошли на штурм.

– Пора, – констатировал я. – К машине.

– Надо заранее план нам принять, – не проявляя никаких признаков беспокойства, заявил монах. – Кто сядет за руль?

– На месте будет видно. Пожалуй, я. У меня опыта больше.

– Ты так полагаешь?

– Уверен, – отрезал я.

– Как скажешь... – не стал спорить Дима, хотя казалось, он был разочарован. Даже говорить стихами перестал, снизойдя до коротких фраз.

Надо отдать юноше должное – вдоль полуразрушенного бетонного забора, мимо развалин и чахлах кустов он двигался бесшумно и незаметно. Может, и правда шпион, а не монах? Но такой молодой шпион – нонсенс. Да еще со столь поэтической манерой речи. И это детское желание сесть за руль... Куда удобнее было бы держать меня на прицеле с пассажирского сиденья.

---

⁴ Сангха – буддийская община, членами которой являются монахи (биккху) или монахини (биккхунн). Термином «сангха» можно обозначить всех буддийских монахов в мире; монахов, принадлежащих к конкретной школе; монахов, проживающих в стране, в монастыре, в отшельничестве, в храме.

Шофера, развалившегося в кресле и слушавшего радио, мы не стали ни бить, ни пугать. Я осторожно вытащил его с водительского места, зажав рот рукой. Китаец ловко скрутил ему руки тросом, так кстати завалившемся в «багажном отделении» открытого джипа. Отметив про себя, что веревка еще могла бы нам пригодиться, я все же не стал проявлять излишнюю занудливость и не сделал своему молодому партнеру замечания. Сам помедлил «отключить» противника. Никогда не стоит бить по жизненно важным точкам без крайней нужды... Процедура не слишком полезная для организма человека. А что плохого сделал нам водитель?

Китаец проявил изрядную сноровку. Из оставшегося конца веревки в пару метров он мастерски соорудил кляп – не самый гуманный, но и не травмировавший нашего пленника.

Архаичные металлические ключи торчали в замке зажигания. Почему джип не был оснащен детектором голоса или дактилоскопом – понятно. Машина служебная, кто только на ней не ездит. Вносить в базу данных всех пользователей, исключать из базы данных выбывших и провинившихся – слишком много мороки. И с электропитанием в джипе наверняка проблемы. Рано или поздно бортовой мини-компьютер «виснет», база данных пропадает. Но механический ключ, а не магнитная карточка! Не иначе, замок зажигания местного производства. Китайцы, как правило, пользуются магнитными или оптическими чипами, да и у нас механические замки изготавливают только для богатых домов – чтобы дверь не могли открыть хакеры. Попробуй-ка, отдай приказ открыться железной коробке, к которой даже не подсоединены провода! Любой хакер опешит...

В теории я знал, как пользоваться механическим замком зажигания. Так же, как и машиной без автоматической коробки передач. Выжал сцепление, проверил, как ходит рукоять переключения передач, и повернул ключ на девяносто градусов. На приборной панели зажглись огоньки. Поворот ключа еще на девяносто градусов. Ничего не изменилось! Однако же... Как бы нам не пришлось идти пешком... На всякий случай я повернул ключ дальше. Раздался скрежет, машина вздрогнула. Работающий на спирту дизель чихнул и завелся.

Повинуясь заложенным при обучении много лет назад рефлексам, я, двигаясь почти автоматически, включил первую передачу, плавно отпустил сцепление, нажал ногой на акселератор. Джип дернулся и покатился. Дима, запрыгнувший в машину на ходу, довольно улыбнулся. Мне тоже было приятно, что с машиной удалось справиться.

– Едем, – сообщил я очевидное.

– Едем, – счастливо отозвался китаец. – Спасибо тебе, Даниил! На помощь ты вовремя мне подоспел! Очень кстати! Куда дальше путь твой лежит?

– Подальше отсюда.

– Да, медлить нельзя, уносить надо ноги. Но после того как минует опасность?

– Направляюсь в вашу сторону. В Поднебесную...

– Жаль... Не совсем по пути нам. Да ничего... Я проеду лишь несколько ли, чтобы в руки врагов не попасть, а потом и сойду.

Я рассмеялся.

– За кого ты меня принимаешь? За угонщика машин?

– Нет. За российской разведки бойца. Эмиссара, – просто отозвался китаец. – Но, надеюсь, ко мне у тебя нет претензий? Вряд ли тебе может быть полезен скромный тибетский монах...

Рассуждая на эту тему, китаец Дима помрачнел. Потому что будь я из разведки или контрразведки, мне он был нужен – иначе зачем я ввязывался в конфликт? И, выпутавшись из одной неприятной ситуации, он попал бы в другую.

– Я помог тебе просто так, – успокоил я молодого человека. – Бескорыстно. Захочешь – поедешь со мной. Захочешь – сойдешь в любом месте. Ты сам куда пробираешься?

– Дальше на юг... В Афганистан.

– Для бодрой собаки сто километров – не крюк, – усмехнулся я, полагая, что китаец, при его отличном знании русского языка, пословицу-первоисточник все же не слышал. – Мне, по большому счету, все равно, как добираться до Китая. Поехали через Афганистан, Ты дороги хоть знаешь?

– Карта есть у меня, – ответил Дима.

Порывшись в кармане просторной куртки, он выудил оттуда клочок цветной бумаги. Кусок большой карты? Нет, вырванная из атласа страница. На ней черной тушью, тонкой пунктирной линией был отмечен путь к афганской провинции Бамиан. Помимо собственно города Бамиана, населенных пунктов в точке назначения не было. Правда, неподалеку располагалась столица Афганистана – Кабул.

Как мне казалось, повсюду в провинции Бамиан громоздились скалы. Я помнил, что среди этих скал были вырублены известные на весь мир древние статуи Будды которые взрывали, потом восстанавливали, потом опять взрывали...

– Стало быть, так? – мельком взглянув на карту, спросил я. – И что тебе надо в Бамиане?

– Долг ведет меня, – ответил Дима. – Бамиан некогда украшали прекрасные, великолепные, известные на весь мир изображения Будды. В начале двадцатого века талибы – так звались воинствующие мусульмане – из пушек расстреливали их. И взрывали. Камня на камне не осталось от статуй... Потом восстанавливали их, но не совсем удачно... Хочется мне побывать в тех местах, к древней мудрости приобщиться. Познать тщету сущего.

– Хм... Неблизкий путь, чтобы познать тщету сущего, – прокомментировал я.

– Близкие и легкие пути не ведут никуда или ведут к неприятностям, – отозвался Дима. – Истинный путь к себе – самый дальний, самый трудный... И он же – самый быстрый.

– Может быть...

– Именно так. Долгий путь – путь знаний, краткий путь – путь веры. Но наикратчайший путь – путь Действия. Я выбрал его.

Джип на приличной скорости катился по все более сужающейся долине. Горы приближались, распаханной ровной земли становилось меньше. Грунтовая дорога петляла, пылила, но оставалась довольно гладкой. Машину не кидало на ухабах.

На нашем пути попадались маленькие деревеньки, но их обитателям не было до нас никакого дела. Они вяло ковыряли мотыгами землю. Кое-где в плуг были запряжены быки. Использовать трактора на спирту – слишком дорого. Ведь чтобы получить спирт нужны то же самое просо, свекла или кукуруза. Бык съест меньше, чем трактор.

Пока что мы двигались точно на юг, в сторону Бамиана. Правда, в горах прямых дорог не бывает, а та тропинка, которая, казалось бы, идет в нужном направлении, очень скоро может повернуть и повести прочь.

Передвигаться по земле для меня было не совсем привычно. Тем более в довольно беспокойной стране, жители которой с подозрением относятся ко всем чужакам. Безосновательно или нет – вопрос второй.

Здесь нужно было следить за тем, где пролегают границы, заботиться о визах, документах. Ну и помнить о том, что рядом со мной – человек. Пусть хорошо подготовленный, привычный к аскетичной жизни – но все же уступавший мне в выносливости и физических возможностях.

Дима блаженно прищурился – его узкие глаза превратились в тонкие-тонкие щелочки – и ловил лицом ветер.

– Хорошо, – сказал он. – Сколько не ездил на легковой машине... Еще всем ветрам и открытой. Только когда-то давно, в раннем детстве, катался в кабриолете. Еще до того, как попал в монастырь. Отец возил меня... Он работал на правительство.

– Родители живы?

– Нет, – ответил китаец. – Погиб мой отец, матери я и не помню. Погиб он при испытаниях нового реактора.

– Неподалеку от Шанхая? – переспросил я. Дима ответил без поэтики, почти нормально:

– Да. Реактора на медленных нейтронах, с использованием эффекта Гетманского. Это была самостоятельная разработка наших ученых...

Я вспомнил события десятилетней давности, попытки китайцев построить такой же реактор, как в Новосибирске. Какой-то шпионский скандал, виток напряженности... Впрочем, скандал был не слишком серьезным... Или не слишком заметным.

– Отец учился в России? – спросил я китайца.

– Да. Потому я хорошо знаю русский. Помню с детства. Ходил даже в русскую школу.

– Но потом ты занимался русским дополнительно? Ребенок не может знать тех слов, которые ты употребляешь.

– В монастыре обучали нас многому. Плоть подавлять, расширять и раскрепощать сознание. Кроме прочего, мы занимались и языками.

– Разве учение и обретение навыков не есть прямой путь в сансару и подчинение иллюзиям Мары?

– Когда как, – тонко улыбнулся Дима.

Поддерживать философские диспуты – одно из моих любимых занятий. Потому что это неплохое Развлечение, а развлечений у меня после того, как я стал магистром, осталось немного. Но сейчас стоило отложить дискуссию – впереди показались две высокие башни с узкими бойницами пулеметных гнезд, построенные здесь скорее всего не очень давно. Башни возвышались по обе стороны дороги. Их соединяла стена с высокими металлическими воротами.

– Предложения? – спросил я у Димы.

– Бросим машину, пройдем по горам. Точнее, я пойду... А ты ведь в Китай, на восток собирался?

– Пожалуй, – согласился я, останавливая автомобиль и выключая двигатель. – А ты видишь путь на Восток?

Молодой китаец на всякий случай посмотрел на-лево. Эта основательность в нем меня подкупила. Кроме гор, черных вблизи и сверкающих снежными шапками вдали, ничего интересного Дима на востоке не заметил. Во всяком случае, машине по этим горам не пройти.

– Видно, придется оставить быстрый автомобиль, что делает легким наш путь, и тебе, – сделал выводы из своих наблюдений китаец. – Если смогу я помочь тебе – укажи, и вместе пойдем. Впереди – большой город.

– Термез, – уточнил я.

– Видимо, так, – согласился китаец. – Мне, правда, казалось, что дальше он. Так что, пойдем вместе? Смогу я помочь?

– Любой человек может помочь другому человеку. Пойдем. Жаль автомобиль. Может, попытаемся прорваться?

– Путь насилия – не наш путь, – кротно улыбнулся юноша. – Уверен, Даниил, что и ты придержишься такой жизненной позиции.

Я засмеялся. Нет, молодой человек не так прост! И что же все-таки понадобилось Диме в Бамиане? Может быть, и не мое дело, но любопытство у меня в крови... Почему китаец добирался в Бамиан не прямыми горными тропами, через Памир, а в обход, по негостеприимным северным территориям? Не потому ли, что там меньше людей? И не потому ли, что так труднее понять, куда он движется?

Со стороны башен тем временем раздался громовой гул. Миг – и над воротами появилась стремительно скользящая тень.

– Вертолет, – прошептал китаец. – Вот это да!

– Вертолет, – согласился я. – Какую же миссию ты выполняешь, Дима, что местные власти идут на такие расходы для твоей поимки? Почему тебя ловит весь Таджикистан? Ведь это, кажется, Таджикистан?

– Мнится мне, Узбекистан, – пожал плечами мой путник. – Иду ночами, при свете луны и звезд, мало общаясь с достойными людьми, населяющими здешние края. На карту положиться полностью нельзя... Занятно другое – что ты тоже не знаешь, где очутился, Даниил! Неужто, как и я, одинокий скиталец? Но на монаха ты не похож, а что толку мирянину бродить по этим без благодатным землям?

Хитрый лисенок так и не ответил на мой вопрос, напротив, попытался выведать что-то у меня. Но я тоже не лыком шит. И отвечать на его выпад не стал.

Вертолет, поднявшийся из-за стены, завис над нашим автомобилем. Из-за шума винтов стало трудно разговаривать. Бородатый военный с армейским гранатометом, стоящий на стене, недвусмысленно указывал нам стволом на ворота. Его товарищ держал в руках импульсную винтовку – оружие гораздо более опасное. Да и под брюхом вертолета виднелось нечто, напоминающее ствол скорострельного пулемета.

– Похоже, придется подчиниться, – заметил я. – По крайней мере, на время. От вертолета на автомобиле не уйти. Тебе есть что скрывать? Встреча с местными военными будет для тебя фатальной?

– Не знаю, – быстро ответил китаец. – Я не желаю никому зла. И ничего плохого не сделал. Скрывать мне нечего. Разве что клочок карты, который ты видел. Настоятель не хотел, чтобы о конечной цели моего маршрута кто-то знал. Но меня наверняка станут пытать, как и тебя, впрочем.

– Надеюсь, до этого не дойдет. А карту передашь мне по дороге. Чтобы с вертолета не заметили.

– Тщетно... Разве тебя они не обыщут?

– Надеюсь, что нет, – усмехнулся я. – Может быть, они не захотят неприятностей?

– Живыми нам от них не уйти, – чересчур спокойно заявил китаец. – Хотя кто знает... Выбора нет. Нужно добраться до стены. Туда, где у вертолета не будет свободы движений.

Я в который раз поразились сообразительности китайца. Для болтуна-поэта и даже для странствующего монаха он ориентировался в ситуации слишком хорошо. И не терял рассудительности.

– Ты прав, надежду терять не стоит.

Запустив двигатель, я плавно тронул машину с места. Даже разогнавшись, от вертолета не уйти. Он висел сверху, словно огромный вентилятор. В такую жару даже приятно...

Да и куда отсюда отступать? Дорога только одна, ответвлений давно уже не было... Металлические ворота не протаранишь.

Если мы попытаемся скрыться, местные сначала не станут стрелять в людей – пробьют из импульсной винтовки двигатель или колесо... С другой стороны, зачем портить хороший джип? Не лучше ли перебить захвативших его негодяев? Надежда на то, что у них есть приказ захватить лазутчиков живыми, может обмануть.

Подъехав к воротам, на широком балконе башни мы увидели еще нескольких военных. Наверное, они вышли только что. Самый главный, не иначе, носил звание генерала. Большие золотые звезды на погонах, вычурные нашивки на рукавах.

– Выйти из машины, – приказал в мегафон бородатый мужчина с европейскими чертами лица, стоящий по левую руку от генерала.

– Кто приказывает? – громко спросил я. Несмотря на шум винтов, меня услышали.

– Приказываю я именем генерала Муслихиддина – не называя своего имени, высокомерно ответил европеец. – Выйти из машины, лечь лицом на землю.

– Ешьте грязь, неверные! – экзальтированно закричал один из бородачей.

Да уж, на хорошее обращение надеяться вряд ли стоит...

Вертолет назойливой мухой продолжал висеть над машиной. Шум винтов мешал нам с Димой переговариваться. Но я неплохо читал по губам.

– Мне нельзя им сдаваться, – принял решение Дима. – Выходим – и будь что будет, Попытаюсь уйти вдоль стены.

– Действуя совместно, мы сильнее...

– Но что можно предпринять? На стену сразу не влезть, до вертолета не допрыгнуть.

– Допрыгнуть можно, – сообщил я китайцу. – Только я не умею управлять вертолетом.

А просто повредить его – опасно. Того и гляди, окажешься под винтами.

– Я умею пилотировать вертолет, – неожиданно заявил Дима.

– Да ну?

– В самом деле. В монастыре проходили ускоренные курсы.

Солдаты на балконе башни держали нас на прицеле, но делали это лениво. Куда мы денемся? Оружия у нас не было, если мы попытаемся скрыться, догонит вертолет...

– И ты полагаешь, мы спокойно улетим на вертолете, если до него доберемся? – после паузы уточнил я.

– Конечно. Выбросить пилота и стрелка – не проблема. Если бы они опустились ниже... Но зачем? Сейчас они вне зоны досягаемости. Оттуда и видно лучше.

– Из башни вертолет не расстреляют? – продолжал размышлять я.

Дима широко улыбнулся, показав ровные желтоватые зубы.

– Кто же станет стрелять в собственный вертолет, стоящий миллион юаней, пока есть хоть какая-то надежда вернуть его?

Будучи человеком не слишком экономным, я сначала не принял во внимание меркантильных соображений здешних баев. Действительно, кто станет сбивать свой вертолет? Единственный? На полеты которого не жалко изводить декалитры спирта или, страшно подумать, бензина?

– Попрощаемся, Ди Ма, – чтобы подчеркнуть торжественность момента, я назвал спутника на китайский манер и обнял его. Кого хотел обмануть своими словами? Враги все равно нас не слышали. Может быть, опасался, что паренек испуганно шарахнется от меня и мы потеряем несколько долей секунды?

Генерал Муслихиддин, равно как и его помощники, явно пока ничего не заподозрили. Главное, чтобы мы не хватались за оружие. А обниматься можно сколько влезет. Неверные. Дикари. Что с нас взять?

Я же крепко обхватил китайца, сосредоточился и рванул вверх. Благо, весил Дима совсем немного. Едва ли пятьдесят килограммов. При моем весе в восемьдесят пять – терпимо.

Мы оторвались от машины, взмывая к вертолету. Не так быстро, как мог бы сделать это я сам. Но монаху не обойтись без меня, а мне – без монаха. Во всяком случае, если я хотел не просто сбежать, а захватить вертолет.

Для китайца наш полет тоже оказался большой неожиданностью. Но, как я и рассчитывал, рефлексy его сработали правильно. Как только я швырнул его в открытый люк вертолета, он еще в полете сгруппировался, пролетая мимо пилота, резко взмахнул ногой и вышиб из кабины стрелка. Тот и пискнуть не успел. Запоздалый вопль раздался уже снизу. Грохот металла, еще один сдавленный вскрик – стрелок приземлился. Жить будет, я полагаю. Пять метров – небольшая высота. Джип, правда, придется рихтовать.

Я же, увлекшись, чуть не влетел под лопасти вертолета. Без китайца набирать высоту было гораздо легче, и я едва успел вовремя остановиться. Помог сильный ветер, идущий от винтов. Нет, что и говорить, захватывать низко летящие самолеты гораздо проще и безопаснее!

Пилот между тем бросил рычаги управления и вознамерился потягаться с нами в рукопашной схватке. Под рукой у него оказался небольшой револьвер, который наш противник и

решил пустить в ход. Похоже, уладить дело миром и попросить технически подкованного бородача подбросить нас куда-нибудь подальше отсюда, поближе к югу, занятие бесперспективное.

Что ж, будем надеяться, Дима не хвастался, когда говорил, что умеет управлять вертолетом. Мне в конце концов ничего не грозит – спрыгну в любой момент.

Взяв пилота за воротник куртки, я резко переместил его на полметра вправо. Утратив опору, пилот завопил, проваливаясь вниз. И все-таки успел один раз выстрелить из своего револьвера.

«Только бы лопасти не повредил», – подумал я. К счастью, пуля ушла в бездонное синее небо, не причинив вертолету никакого вреда.

– Шевелись, хватай рычаги! – крикнул я китайцу.

Дима, к его чести, опомнился очень быстро. Запрыгнув в кресло пилота, он потянул один из рычагов на себя, быстро перещелкнул какие-то тумблеры, нажал на несколько кнопок... Вертолет начал резко набирать высоту. Бородачи орали, палили в воздух, но никто не осмелился выпустить в сторону вертолета даже одну пулю. Дима оказался неплохим психологом.

Что кричали с земли, не разобрать. Явно что-то совсем не лестное в наш адрес. А нам не стоило ждать пока противник опомнится или генерал Муслихиддин пересилит себя и отдаст приказ сбить собственный вертолет. Дима вновь повернул рычаг управления, и вертолет заскользил над домами, оставив позади укрепрайон с башнями, закрывающий подходы к городу.

– Внизу Термез, славный древний город, – заявил китаец. – Немного дальше протекает Пяндж, пограничная река.

– Возможно, – не стал спорить я. – Прежде мне здесь бывать не доводилось.

Дима оставил в покое карту, пристально взглянул мне в глаза.

– Как ты ухитрился допрыгнуть до вертолета, Даниил? Да еще втащить сюда меня? Помогло твое спецснаряжение?

Я покачал головой.

– Вертолет висел не так уж высоко.

– Метров пять. И меня это беспокоит, – заявил китаец. – Словно бы во сне. В жизни так не бывает.

– Даже если я применил какую-то технику – не думаешь же ты, что я сразу расскажу тебе о ней?

Такой ответ вполне удовлетворил Диму. Он кивнул, щелкнул тумблером, нахмурился.

– Система спутникового ориентирования на местности не работает. Координаты уточнить не удастся.

– Как-нибудь доберемся до Бамиана, я полагаю.

– А разве мы не будем садиться в городе? – почти испугался Дима.

– Зачем? Мало топлива?

– Топлива хватит километров на сто. Но по нашему следу могут выслать самолеты. Они летят гораздо быстрее, чем вертолет.

Я отметил, что в экстраординарной ситуации монах не пытается говорить стихами. Он перешел на нормальную человеческую речь. От волнения, наверное?

– Ты полагаешь, генералу удастся так быстро поднять авиацию? – поинтересовался я. – Самолеты здесь все-таки предназначены для других целей. Разведка, бомбежка. Вряд ли машины постоянно находятся в полной боевой готовности. Время истребителей-перехватчиков миновало.

– Да, верно, – кивнул китаец. – Проще сбить нас зенитной ракетой. О ракетах тоже не стоит забывать.

– Ракеты, как правило, оснащены комплексом опознавания «свой-чужой», – возразил я. – Этот вертолет для них – свой. Так что можно лететь смело.

– Стоит опасаться зенитных пулеметов на укрепленных точках и в автомобилях, – продолжил Дима. – Если поступит приказ, нас легко будет сбить.

Захотелось выпрыгнуть из вертолета и лететь дальше самостоятельно, предоставив своему спутнику полную свободу выбора. Не ожидал, что решительный, смелый и даже безрассудный китаец станет таким предусмотрительным, когда мы окажемся в воздухе. Но что-то не позволяло мне это сделать. Наверное, любопытство. А у меня не так много развлечений, чтобы отказывать себе в них.

– Мы еще летаем! – хлопнул я паренька по плечу. – Не беспокойся, зенитные батареи заметим вовремя.

– Тогда полетим, пока в баках есть хоть капля спирта, – решил наконец Дима. – Я собирался идти пешком, давал обет не садиться на дирижабли и не пользоваться железной дорогой. Но о вертолетах в моих клятвах и слова не было.

– Вот видишь, как все замечательно устроилось, – рассмеялся я.

Вертолет легко скользил над городом. Крестьяне с трудом разгибали согнутые спины, чтобы на миг оставить работу на своих огородах и взглянуть вслед винтокрылой птице. Чумазы ребятишки мчались следом по узким улицам, залиvisto хохоча. Видно, над городом генерал Муслихиддин летал редко. Зачем? С вертолета он охотился на джейранов и на своих врагов.

– Представляешь, в каком бешенстве генерал? – улыбаясь, спросил Дима.

– Пожалуй, он сильно огорчен.

– Много кто умрет сегодня, – нахмурился китаец. – Из-за нас...

– Не будет же он расстреливать пилота только за то, что того выбросили из машины?

– Почему нет? Несчастный парень виноват. Да и пилот теперь генералу не нужен. Без вертолета его умения теряют всякую ценность.

– Но не должны же мы были сдать только для того, чтобы утихомирить генеральский гнев?

– Нет, – ответил Дима и сжал зубы. – У нас есть свои дела. И мы не в ответе за генерала и его людей.

За глинобитными хижинами сверкнула река – мутная и желтая вблизи. Мы пронеслись над ней. Город закончился. Бурные поля стали голыми. Дима, освоившись с управлением вертолетом, одновременно с пилотированием изучал карту.

– Прямо на юге лежит Мазари-Шариф, – сообщил он. – Я собирался проходить через него. Но чтобы попасть в Бамиан по воздуху, стоит повернуть правее на запад. Думаю, горы нам не помешают. А если у вертолета кончится горючее, мы пойдем дальше пешком. Ты выдержишь путь по голым скалам?

Я рассмеялся.

– Отлично, – нахмурился китаец, поворачивая рычаг управления. – Только разве я сказал что-то смешное?

– Нет. Просто ты очень забавный. Умеешь водить вертолет. Читаешь стихи. И, похоже, даже знаешь кунг-фу.

– В этом есть что-то веселое? – продолжал хмуриться Дима.

– Как посмотреть...

– Станный ты, Даниил, – заявил китаец.

– Не могу с тобой не согласиться в данном вопросе. Скажи, а быстрее лететь мы не можем? Того и гляди, генерал Муслихиддин и в самом деле поднимет штурмовики.

Дима покрутил какую-то ручку. Вертолет наклонил нос вперед и заскользил над горами стремительной тенью.

– И все же, как ты ухитрился запрыгнуть на высоту в пять метров? Да еще втащить в вертолет меня? – поинтересовался китаец. – Сейчас я понимаю, что никакого снаряжения у тебя не было!

– Это отдельный разговор.

– Меня научишь?

– Посмотрим. Прыгать выше других нелегко научиться... Ты, как мне кажется, талантами не обделен. Иначе не ушел бы так далеко от родного дома.

– Следование пути Будды способствует моему продвижению, – скромно ответил Дима. – К тому же мне постоянно помогают. Сейчас помог ты – хочу поблагодарить тебя еще раз.

– Я не следую пути Будды, хотя мне симпатичны его последователи.

– Если ты не признаешь Будду это не значит, что Будда не признает тебя. Он может направлять твой путь, – улыбнулся китаец. – Он мог привести меня к тебе, а тебя – ко мне.

ГЛАВА 4

Одинокая белая леди

Серые, желтые и коричневые склоны каменистых крутых холмов, лежащих в предгорьях Гиндукуша, стремительно проносились за бортом нашего вертолета. Мы летели низко, едва не касаясь днищем скал. Временами внизу можно было увидеть зеленую полянку, но в основном пустынная растительность выгорела или еще не появилась на свет.

Меж крутых теснин шумели небольшие ручьи. Когда вода доберется до равнины, трудолюбивые крестьяне отведут ее в арыки и пустят на орошение полей. Здесь же вода бежала по голым камням.

Впрочем, люди жили и в этой негостеприимной местности. В узкой долине вдоль небольшой бурной реки можно было заметить клочки возделанной земли. К скалам лепились домики крестьян. Несколько домов побогаче выделялись черепичными крышами и высокими каменными заборами вокруг дворов. На возвышенности, рядом с одним из богатых домов, закатное небо пронзала игла стройного минарета. Как ни странно, ни во дворах, ни на огородах людей видно не было, хотя солнце уже клонилось к горизонту и нежаркая пора благоприятствовала полевым работам.

– Стучат лопасти. Или что-то в двигателе, – краем уха уловив посторонний звук, обратился я к молодому монаху.

– Не слышу звуков посторонних, лишь гул винтов, металла скрежет, – отозвался Дима. – Приборы тоже все молчат... Ведь вертолет – не та машина, что с ветром катится под горку. Здесь сбой любой в любой системе заметен сразу. Моргнуть ты не успеешь, как рухнем мы, коль неполадки в сердце мотора вдруг возникнут.

Я прислушался внимательнее. Да, действительно, звук исходил не от нашего вертолета. Его источник находился снаружи. Кто-то сильно молотил в огромный барабан.

– Поверни, – приказал я своему спутнику. – Посмотрим, что вон там, за поворотом речки.

– Зачем? – удивился он. – Ведь путь наш в сторону лежит.

– Выясним, что здесь творится. Мне не нравится... – Я не стал продолжать, так как трудно было сформулировать для китайца, что же мне не понравилось. Ощущение страха, безысходности, агрессии, разлитое вокруг? Центр событий располагался где-то в дальнем конце деревни. В той ее части, которую не видно было за скалами. Там, где бил барабан.

Дима не стал уточнять, почему я решил изменить маршрут. Он потянул рычаг, и вертолет, сделав вираж над острой, словно отточенной, черной скалой, опустился к самой реке, скользя к деревне понизу.

– Здесь и радар нам не помеха, – довольно заметил Дима. – С земли нас трудно обнаружить. Быть может, спирта все запасы в деревне этой мы изыщем? Тогда до Бамиана можем лететь мы в дивной сей машине.

– Мы не на войне, – покачал головой я. – Ты, похоже, вдохновился нашими успехами в борьбе с генералом Муслихиддином. Кстати, он тоже не сделал нам ничего плохого. И экспроприация вертолета, вообще говоря, весьма недружественный шаг, на который я никак не мог бы пойти в другое время.

– А что за времена сейчас? – прикинулся чересчур наивным китаец.

– Тревожные, – ответил я словом, которое говорило многое, но ничего не объясняло.

– Муслихиддин плохого нам не сделал, – с сомнением протянул Дима. – Взглянул бы я, как ты запел бы, когда его сатрапы стальные иглы стали бы под ногти нам вгонять... Уж дай им волю – мы бы натерпелись...

Я покосился на руки китайца и обнаружил, что безымянный и средний палец на его левой руке изуродованы. Ногти были кривыми, пальцы – скрюченными. Травма после неудачного удара? Или те самые иглы, с которыми Дима уже познакомился? Нет, спутник мой был совсем не прост...

Толпа людей за поворотом появилась неожиданно Мужчины в грязных халатах, женщины в черных платках, полуголые ребятишки. На отдельно стоящей скале заливалась лаем мохнатая белая собака в черном ошейнике, напоминающая шпица. Впрочем, шпицем собака не была. Дворняга, хоть и симпатичная. Лаяла она на толпу. Время от времени кто-то из детей бросал в пса камень. Собака уворачивалась, на миг прекращая лаять, и заливалась еще громче.

Однако вовсе не из-за собаки собрались здесь крестьяне. На ровном пятачке земли был врыт черный столб с привязанными к нему веревками, к которому несколько мужчин волокли стройную девушку и внешним видом, и одеждой резко отличавшуюся от местных жителей. Русоволосая незнакомка была одета в джинсовую куртку с рукавами в три четверти, облегающие, местами порванные джинсовые брюки и белые босоножки. Она была высокой – выше многих местных мужчин. Кожа нежная, белая, слабо загоревшая даже на здешнем ярком солнце. Красивой я бы девочку не назвал. А симпатичной – очень даже. Слегка курносый нос, высокие скулы... Очень милое, располагающее к себе лицо. Тем более дико было видеть грубое обращение, которому она подвергалась.

Девушка пыталась отбиваться от тех, кто ее пленил, но делала это вяло. На лице ее были написаны страх и усталость. Губы разбиты в кровь, на высокой скуле – кровоподтек. Густые пышные волосы спутаны. Большие ярко-зеленые глаза часто моргали.

Невменяемого вида субъект в грязном халате, закатив глаза, ритмично колотил в большой барабан, установленный рядом со столбом.

– Что бы могла означать эта сцена? – спросил я китайца.

– Девицу ту хотят побить камнями, – нехотя ответил Дима. – Не зря же волокут ее к столбу... Наверно, грех большой на ней лежит. Крестьяне выполнить хотят закон суровый, древний, страшный...

– Уверен?

– Как сказал Цао Чжи:

Только люди вокруг
Равнодушны к ее красоте.
Для кого же тогда
Улыбаться открыто и ясно?
А короткая жизнь
Приближается к горькой черте.

Способность китайца цитировать поэтов своей Родины в любой ситуации меня умиляла. Но насчет горькой черты и конца жизни – еще посмотрим!

Что же касается обычаев... Если бы они задушили ту девушку или отрубили ей голову, это было бы преступлением. А побивание камнями – древняя восточная казнь, освященная годами традиция. Но я не уважал подобные традиции.

Вертолет подлетел ближе, один из бородачей рванул девушку за руку, таща за собой, и я заметил на ее запястье выходы серого импланта овальной формы.

– Она – гражданка России, – констатировал я.

– Если бы она была местной или, скажем, китаянкой, ты бы позволил закидать ее камнями? – процедил сквозь зубы Дима.

Он даже снизошел до простой речи! Это уже о чем-то говорило...

– Нет. Но в данном случае дело принимает слишком нехороший оборот. Почему она не зовет на помощь?

– Кого? – удивился китаец.

– Своих, – ответил я. – У каждого россиянина имеется прибор экстренного оповещения об опасности. Стоит нажать кнопку – и через несколько минут в любую точку планеты прибудет помощь.

– Даже в эти дикие скалы? – не поверил Дима. – В гнездо беззакония? Здесь до сих пор в полях просторных растят чудное зелье: коноплю и опийный мак. Хоть спрос на них уже не тот, конечно... Ведь много зелий и других, соблазнов страшных...

– Сюда помощь придет в первую очередь. Именно потому, что места беспокойные, есть прямая угроза жизни гражданина. При необходимости через пятнадцать минут здесь окажется взвод десантников. А если они будут не в состоянии решить проблему, то им нужно только продержаться до прибытия роты, а потом и батальона спецназа, штурмовой авиации и бронетанковой техники.

– Хотел бы я взглянуть на высадку вашего десанта, – усмехнулся Дима. – На местных жителей это тоже произвело бы должное впечатление.

Беспокойные жители деревни тем временем начали обращать внимание на вертолет. И то – мы висели в непосредственной близости от разгоряченной толпы уже минуту. Впрочем, шум винтов в середине толпы, наверное, перекрывался воплями женщин, визгом ребятишек и утробными криками бородачей. Заметив нас, крестьяне несколько смутились. А полуголые дети оставили в покое белого шпица и принялись швырять камнями в вертолет. Хорошо, что добросить камень до машины им пока не хватало сил.

Мужчина, одетый лучше других, в синем халате с золотым поясом, борода которого была аккуратно подстрижена, начал подбадривать своих земляков громкими криками на незнакомом мне языке. Скорее всего, на фарси. Двое мужчин, прежде безучастно наблюдавшие за тем, как девчонку тащат к столбу, подняли ружья и направили их на вертолет.

Помешанный или обкурившийся крестьянин продолжал лупить в свой барабан как ни в чем не бывало.

– Что орет их главный? – поинтересовался я у Димы.

– Как я могу услышать? – спросил китаец. – Винты шумят...

Слух у Димы, конечно, хуже, чем у меня. А воспроизводить китайцу фразы, произнесенные главарем местных, не было времени. К тому же я не был уверен, что передам их в точности.

– Надеюсь, они понимают, что у нас пулемет?

– Когда б догадка та не сдерживала их, давно бы мы отведали картечи, – ответил китаец. – Стекло из плексигласа вряд ли сможет сдерживать хороший залп! Поднимаемся на ту скалу, где собака, и садимся на нее, – приказал я.

– Прямо на собаку? – притворно изумился Дима.

Чувство юмора не оставило китайца и в этой мрачной ситуации.

– Надеюсь, собака успеет убежать. Мы садимся на скалу.

Монах перестал улыбаться и с сомнением оглядел небольшую относительно ровную площадку на скале.

– Поверхность далека от идеальной. Коль выключить винты, машина может рухнуть. А ухнем мы оттуда – костей не соберем.

– Постарайся, чтобы вертолет не покатился, – ответил я, доставая из-за спины рюкзак. В нем у меня лежало универсальное устройство связи.

Китаец, сосредоточенно заводивший машину на скальную площадку, краем глаза заметил мои действия и поинтересовался:

– Намерен взвод десантников ты вызвать?

– Каждый вызов обходится слишком дорого. Уверен, мы обойдемся и своими силами. Ведь ты знаешь кунг-фу. Да и я кое-что умею.

На универсальном устройстве я активировал функцию сканирования, пытаюсь засечь частоту импланта девушки. Спустя пять секунд мне это удалось.

– Слышишь меня? – обратился я к незнакомке.

– Слышу, – слабым голосом отозвалась девушка. Мой звуковой сигнал к ее уху шел от импланта направленно, а ее почти не было слышно из-за пыхтения бородачей, топота и посторонних звуков.

– Что произошло?

– Помогите мне, – прошептала девушка. – Как хорошо, что вы успели вовремя...

Видимо, она приняла нас за отряд быстрого реагирования. Значит, все-таки вызывала помощь? Или только надеялась, что ее найдут? Могла бы догадаться, что никакой отряд не мог прибыть сюда на вертолете так быстро. Да и не используют в подобных операций вертолеты. Десантники высаживаются с самолета на парашютах и в специальных бронекапсулах.

Солдаты частей быстрого реагирования легко справились бы с ситуацией. Применили бы парализаторы, чтобы пострадало как можно меньшее количество «мирных» жителей, в случае необходимости – малокалиберные автоматы и лучевые винтовки... Но ждать десантников или поддержку с воздуха мы не имели возможности. Слишком стремительно развивались события. Похоже, местные жители решили во что бы то ни стало воплотить свои скверные планы в жизнь.

Колеса вертолета коснулись скалы. Белый шпиг-дворняга неуверенно тьякнул и отбежал в сторону, не проявляя по отношению к нам агрессивности и страха.

– Глуши двигатель, – приказал я Диме.

– Машина поползет, – заявил китаец. – Ведь слишком тяжела. А твердь камней непрочна...

– Нам нужно договориться. Мы не можем стрелять в этих людей, – объяснил я. – Здесь не только бандиты – дети, женщины. Но договориться из вертолета не получится. Во-первых, люди почувствуют подвох – мы словно держим их на прицеле. Во-вторых, от винтов слишком много шума.

– Мы и так держим их на прицеле, – проворчал Дима и щелкнул тумблером.

Двигатель остановился, винты некоторое время продолжали вращаться по инерции. Шум стихал.

Я спрыгнул на камни. Вертолет, центр тяжести которого изменился, содрогнулся и накрепился. Дима побледнел и крепче стиснул зубы.

– Что вы собрались делать, братья? – громко обратился я к толпе.

– Мы тебе не братья, неверный! – отозвался главарь в синем халате на чистейшем русском языке.

– Вы знаете, чей это вертолет? – спросил я, надеясь, что почтение к имени генерала Муслихиддина сдержит агрессивные порывы толпы.

– Нас это не интересует! У нас здесь своя земля и свои законы! – закричал джигит, одетый попроще чем главарь, но тоже выделявшийся из толпы. На боку его висела кривая сабля в ножнах с узорчатыми серебряными накладками.

– И по этим законам вы собираетесь устроить самосуд над гражданкой России? Неужели вы не понимаете, что если с ней что-то случится, вашу деревню сровняют с землей, но выяснят, кто виноват в произошедшем?

Толпа загудела. Русский знали многие, а кто не знал, тем перевели.

– Женщину уличили в святотатстве и прелюбодеянии, – объявил мужчина в синем. – Мы действуем по закону. В России чтят законы, как мы слышали.

Люди вновь заволновались. На этот раз в их возгласах чувствовалось одобрение.

– А сам ты кто такой? – поинтересовался я.

– Он – Пахлаван, – неожиданно раздался голос пленницы из переговорного устройства в моей руке. – Старший брат моего друга.

– Я – хозяин деревни и всех земель вокруг, – сообщил Пахлаван. – Я решаю, кто здесь будет жить, а кто умрет мучительной смертью. Эта женщина оскорбила пророка, она оскорбила моего брата. Она нарушила священный закон и поплатится за это.

Крестьяне притихли. Сухой воздух трещал. От нагретых солнцем скал шел запах горечи, полыни и сухого молочая.

– Неправда, – прошептала девушка, зная, что я ее слышу. – Он лжет.

Какое это имело значение? Пусть она прелюбодейка, пусть оскорбила кого-то здесь – неужели мы оставим ее на растерзание варварам?

Толпа двинулась к вертолету. Некоторые люди снимали в руке камни. А прямо мне в грудь смотрели несколько стволов дробовиков. От людей пахло сладковатым конопляным дымом и прогорклым жиром. Но еще сильнее чувствовался запах агрессии, страха и ненависти. Необъяснимой, иррациональной злобы.

– Выдайте девушку мне и расходитесь, – приказал я, понимая, что договориться не удастся. Слишком долго работали с этими людьми их «наставники». Эх, сюда бы десяток парализаторов... – Мне не хотелось бы открывать огонь из пулемета. Вы, наверное, знаете, что авиационный пулемет – эффективное и страшное оружие, – добавил я.

– Их всего двое! – заорал Пахлаван, выхватывая откуда-то из-под халата большой револьвер. – Сметем их! Захватим пулемет и вертолет! Сама судьба послала наглецов в наши руки!

Сомнений не оставалось – и Пахлаван, и большинство его односельчан обкурились коноплями. Даже у некоторых детей глаза странно поблескивали и движения были слишком порывистыми. Какая мерзость!

– Стреляй поверх голов! – приказал я Диме.

Китаец резко передвинулся на место стрелка, дернул рукоятку управления огнем. Пулемет под днищем вертолета вздрогнул, засвистел и выпустил куда-то в Далекий горный хребет длинную очередь.

В ответ грохнули дробовики в руках мужчин – весомость наших аргументов в виде скорострельности и калибра оружия отнюдь их не убедила.

В меня не попал никто, а стекло перед лицом Димы Покрылось сеткой трещин. Еще немного – и китайцу не поздоровилось бы.

– Подожди! – крикнул я Диме.

Мой новый друг был буддистом и вряд ли решился бы пролить кровь не только невинных людей, но и своих врагов. Недаром же в том доме, где я его нашел, он отбивался от боевиков голыми руками, хотя вполне мог поднять автомат.

Однако мое предупреждение оказалось лишним и по другой причине. От выстрелов и перемещений Димы внутри вертолета он сдвинулся, пополз и начал опрокидываться. Китаец проворно высочил в открытый люк и распластался на камнях. После того как Дима покинул кабину, вертолет прополз по камням пару метров, неожиданно выправился и повис над краем обрыва.

Убедившись, что с моим спутником все в порядке, я спрыгнул со скалы прямо в толпу. Ждать не стоило – в руке одного из мужчин, конвоировавших девушку, блеснул нож. Вдруг он решит не дожидаться, когда нас всех побьют камнями? Фанатики на редкость упрямы. Даже умирая, он будет резать пленницу, считая, что выполняет свой последний долг.

Крестьяне закричали и бросились в разные стороны. По их мнению, я должен был разбиться о камни. Впрочем, это вряд ли волновало кого-то из толпы. Люди, которые собрались забить молодую девушку камнями, не вздрогнут, увидев поломавшего себе ноги и руки мужчину. Но я вполне мог повредить кого-то из них при падении...

На самом деле ломать себе или другим кости в мой планы не входило. Я заранее наметил пяточок для приземления, постарался никого не задеть, хоть в возникшей суматохе это стало сложнее, и, приземлившись на обе ноги, сразу начал движение. Обогнул худенькую женщину в пестром халате, глаза которой горели яростью и страхом, перепрыгнул через упавшего карапуза лет шести, сжимавшего в грязном кулачке тяжелый камень, оттолкнул одного из конвоиров и схватил девушку за руку. Надеюсь, у этих фанатиков с дробовиками хватит ума не стрелять в толпу?

– Пригнись! – приказал я.

Девушка среагировала на удивление четко. Впрочем, я ей помог, сильно рванув за руку. Хлопнул дробовик, и одному из охранников выстрелом его товарища разнесло голову. Кровь и мелкие куски костей полетели во все стороны. Мое лицо и голубая джинсовая рубашка девушки покрылась мелкими красными пятнышками. Народ взвыл. Надо сказать, мы сместились с линии огня очень вовремя.

Объясняться было некогда. Протащив девушку следом за собой по земле, я оказался рядом с Пахлаваном и выбил из его руки револьвер. Оружие все еще кувыркалось в воздухе, а я уже закрыл девушку от вооруженных людей крупным телом их босса. Сам прятаться не стал – но на всякий случай сделал кожу тверже. Дробь – это почти не страшно. Опасаться приходилось только за глаза, но не попадут же они сразу в оба глаза?

Девушка между тем подала голос. И обращалась она вовсе не ко мне, а к Пахлавану:

– Неужели ты и теперь думаешь, что тебе удастся повернуть свои темные делишки? Прикажи своим людям остановиться!

Да, девушка явно не промах! Отчаянная. Или просто не понимает, в какие неприятности влипла.

– Молчи, неверная, – всхрипывая, ответил мужчина.

– Отпусти нас! Пусть твои бандиты бросят оружие!

Девушка говорила прямо-таки те слова, которые должен был произносить я. А я не торопился высказывать подобные пожелания, поскольку не слишком верил в их действенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.